

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (36), 2021

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2021

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (36), 2021

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich, Candidate of Philological Sciences, Dean of the Second English Department

Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich, Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Russian Language and Teaching Methods

Popov Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences, Associate Professor

Sheremetyeva Anna Gennadevna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology

Bobokalonov Ramazon Radzhabovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Saifullaeva Rano Raupovna, Doctor of Philological Sciences, Professor

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (36), 2021

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
"Иностранные языки - 5"

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук,
декан второго английского факультета

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания»

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии

Бобокалонов Рамазон Раджабович, кандидат филологических наук, доцент

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Arkhipova S.O.
THE SYMBOLISM OF BLACK AND WHITE
IN ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURE 6

Kokova M.M.
NEW DEBATE ABOUT RACISM AND REVISING OFFENSIVE IMAGES
AND SYMBOLS IN THE CORPORATE ARENA AGAINST THE BACKDROP
OF PROTESTS BLACK LIVES MATTER AFTER THE DEATH OF GEORGE FLOYD..... 17

Literary Studies

Mendoza Ruiz F.L., López Coronel H.I., Pérez V.
LA SOBRESTIMULACIÓN COMO FACTOR DETERMINANTE PARA LA SELECCIÓN
DEL RECUERDO: ENTONCES, ¿QUÉ GUARDAREMOS EN LA MEMORIA? 23

Linguistics

Bobokalonov R.R., Kurbanov P.A., Markaev K.Sh., Khantov Ch.
ACHIEVEMENTS OF UZBEK SCIENTISTS IN THE FIELD OF TEXT
LINGUISTICS BASED ON SCIENTIFIC RESULTS IN WORLD LINGUISTICS 30

Dzhasim Muna A.
MODERN RUSSIAN LEXICOGRAPHY 35

Kunitsin A.S.
PHRASEOLOGY AS THE KEY TO UNDERSTANDING THE MENTALITY 38

Nikonov D.I.
CULTURAL CONNOTATIONS OF THE TOPONYM
"SIBERIA" IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS 45

The Russian Language

Kolova A.P.
CLASSIFICATION OF LITERAL PALINDROMES 49

Linguistic Theory

Yagenich L.V.
EPONYMS IN MODERN ENGLISH MEDICAL SCIENTIFIC ARTICLES 52

Yakusheva L.A.
THEORIES OF ORIGIN AND ASPECTS OF THE STUDY OF COLOR 58

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Архипова С.О.
СИМВОЛИКА ЧЕРНОГО И БЕЛОГО ЦВЕТА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ 6

Кокова М.М.
НОВЫЕ ДЕБАТЫ О РАСИЗМЕ И ПЕРЕСМОТР ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ
ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ НА КОРПОРАТИВНОЙ АРЕНЕ НА ФОНЕ
ПРОТЕСТОВ BLACK LIVES MATTER ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ДЖОРДЖА ФЛОЙДА 17

Литературоведение

Мендоса Руис Ф.Л., Лопец Коронель У.И., Перес В.
СВЕРХСТИМУЛЯЦИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР
В ВЫБОРЕ ВОСПОМИНАНИЯ: ЧТО ЖЕ ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ? 23

Языкознание

Бобокалонов Р.Р., Курбанов П.А., Маркаев К.Ш., Хаитов Ч.
ДОСТИЖЕНИЯ УЗБЕКСКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА
НА ОСНОВЕ НАУЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 30

Джасим Муна А.
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКSIKOГPAфия 35

Куницин А.С.
ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ МЕНТАЛИТЕТА 38

Никонов Д.И.
КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ТОПОНИМА «СИБИРЬ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 45

Русский язык

Колова А.П.
КЛАССИФИКАЦИЯ БУКВЕННЫХ ПАЛИНДРОМОВ 49

Теория языка

Ягенич Л.В.
ЭПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ 52

Якушева Л.А.
ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТА 58

УДК 80

СИМВОЛИКА ЧЕРНОГО И БЕЛОГО ЦВЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С.О. Архипова, кандидат филологических наук, доцент
 Московский государственный институт международных отношений, Россия

***Аннотация.** Актуальность данного исследования продиктована активностью функционирования цветов “черный” и “белый” в английском и русском языках, и особой культурной значимостью данных цветов в сопоставляемых лингвокультурах, что свидетельствует об их способности наиболее ярко передавать национально-культурную специфику восприятия и описания действительности.*

***Ключевые слова:** черный, белый, цвет, лингвистика, лингвокультура, символика.*

Цветонаименования – одна из самых популярных лексических групп для исследования. Популярность цветообозначений как предмета исследования объясняется тем, что они оказываются частью более глобальной проблемы соотношения содержания и формы языкового знака в определенном языке, что делает изучение особенностей семантики цветообозначений актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Языковеды и этимологи, проанализировав десятки языков, пришли к выводу, что существует ряд универсальных черт в системе цветообозначений. Однако в неблизкородственных языках наблюдаются лингвокультурные различия в восприятии и символике некоторых цветов. Кроме того, различное отношение к тому или иному оттенку отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках.

Целью данной работы является исследование комбинаторных свойств прилагательных цвета “black” и “white” и символики указанных цветов в англоязычной лингвокультуре.

Для достижения поставленной цели, нами был обозначен ряд конкретных *задач*:

1. проанализировать существующие подходы к изучению цветолексики в различных научных парадигмах;
2. определить место цветообозначений “black” и “white” в языковой картине мира англоязычной лингвокультуры;
3. изучить комбинаторные свойства выше указанных прилагательных в английском и русском языках;
4. определить лингвокультурные особенности восприятия этих цветов и их отражение в английском языке;
5. описать символику белого и черного цвета в английской лингвокультуре.

Материалом исследования послужили примеры из оригинальных художественных произведений английских и американских авторов, интернет-источников, журнальных статей, полученные методом сплошной выборки, а также данные словарей современного английского языка.

Анализ комбинаторики “black” и “черный” в английском и русском языках

Прежде чем провести анализ лексической сочетаемости указанных колороморфов в английском и русском языках, считаем необходимым проанализировать семантическую структуру колороморфов black и черный.

Для анализа семантической структуры прилагательных “black” – “черный” мы обратились к словарю “Longman Dictionary of Contemporary English” (LDCE) и к толковому словарю С.И. Ожегова.

- Black** – 1) having the darkest colour, like coal or night;
 2) no light, very dark because there is no light;
 3) belonging to the race of people who originally came from Africa and who have dark brown skin;
 4) [only before noun] relating to black people;
 5) of drink, [only before noun] – black coffee or tea does not have milk in it
 6) very dirty (informal);
 7) without hope, sad and without hope for the future;
 8) humour, making jokes about serious subjects, especially death;
 9) angry, [only before noun] full of feelings of anger or hate.

- Черный** – 1) цвета сажи, угля;
 2) темный. Черный хлеб. Черный гриб.
 3) принявший темную окраску, потемневший. Черный от загара. Руки черные от грязи;
 4) в старину: курной. Черная изба. Топить по-черному (нареч.);
 5) перен. мрачный, безотрадный, тяжелый. Черные мысли. Черные дни мрачного прошлого. В черных красках изобразить что-нибудь. Видеть все в черном свете. Отложить денег на черный день;
 6) перен. преступный, злостный. Черная измена. Черное дело сделал кто-нибудь. Черные силы реакции;
 7) не главный, подсобный. Черный ход в доме. Черное кольцо;
 8) физически тяжелый и неквалифицированный;
 9) Принадлежащий к непривилегированным, эксплуатируемым классам общества (стар.). Черный народ. Черные люди. Черная кость.

Изучив данные англоязычных и русскоязычных словарей, и проанализировав многочисленные источники художественной литературы на русском и английском языках, нами были выявлены существительные, которые наиболее часто употребляются с прилагательными “black” и “черный”. Эти существительные мы разбили на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

- artifacts, clothes (артефакты, одежда),
- people (люди), times of a day (время суток),
- parts of a human body (части тела),
- food and drinks (еда и напитки),
- metals and minerals (полезные ископаемые),
- fauna (фауна),
- natural phenomena (явления природы),
- documents and papers (служебные и личные документы, деньги),
- areas (места),
- abstract nouns (абстрактные существительные),
- diseases (болезни).

В каждом из сопоставляемых языков выделяются устойчивые словесные комплексы, понятные только в рамках данной культуры. Например, в английском языке такими являются сочетания:

Black book (inf.) – a book containing the names of people to be punished, blacklisted, etc.

Black Maria – a police van for transporting prisoners.

Black Mass – A travesty of the Roman Catholic Mass, ascribed to worshipers of Satanism.

Black Mountains – A range of the Blue Ridge in western North Carolina rising to 2,038.6 km (6,684 ft) at Mount Mitchell.

Black Muslim – A member of the Nation of Islam.

Black Prince – son of Edward III who defeated the French at Crecy and Poitiers in the Hundred Years' War (1330-1376)

Black Rod – The chief usher of the British House of Lords.

Black Shirt – A member of a fascist party organization having a black shirt as part of its uniform, especially an Italian fascist.

Black and Tan – A member of a paramilitary force recruited in Britain and sent to Ireland as part of the Royal Irish Constabulary to suppress the Sinn Fein rebellion of 1919 to 1921.

В русском языке зафиксированы следующие сочетания:

Черным-черно (разг.) – очень черно.

В черном теле держать кого – плохо обращаться с кем-нибудь.

Черным по белому (написано, сказано и т.п.) – ясно и недвусмысленно.

Черным словом (ругать, бранить и т.п.; устар.) – с упоминанием черта.

Черная биржа – в капиталистических странах: неофициальная, спекулянтская биржа.

Черный рынок – незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля.

Черные списки – в капиталистических странах: списки лиц, которых по политическим соображениям не принимают на работу, увольняют в первую очередь.

Черный ворон (устар.) – закрытый автомобиль для перевозки арестованных.

Анализ комбинаторики “white” и “белый” в английском и русском языках

Для анализа семантической структуры прилагательного white мы обратились к словарю: “Longman Dictionary of Contemporary English” (LDCE).

White – 1) colour having the colour of milk, salt, or snow;

2) belonging to the race of people with pale skin: young white males

3) relating to white people: a white neighborhood

4) pale, looking pale, because of illness, strong emotion etc:

5) coffee [usually before noun] British English white coffee has milk or cream in it

6) wine. White wine is a pale yellow colour.

Белый – 1) Цвета снега или мела. Белая бумага. Белый флаг.

2) полн.ф. Светлый. Белый хлеб (пшеничный). Белое вино. Белые ночи (ночи на севере, когда сумерки не переходят в темноту).

3) полн.ф. В первые годы советской власти: контрреволюционный. Поражение белых. (сущ.)

4) полн.ф. Со светлой кожей (как признак расы).

Изучив данные англоязычных и русскоязычных словарей, и проанализировав многочисленные источники художественной литературы на русском и английском языках, нами были выявлены существительные, которые наиболее часто употребляются с прилагательными “white” и “белый”. Эти существительные мы разбили на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

artifacts, clothes (артефакты, одежда),

seasons and times of a day (времена года и время суток),

people (люди),

parts of a human body (части тела),

food and drinks (еда и напитки),

metals and minerals (полезные ископаемые),
 fauna (фауна), documents (документы),
 abstract nouns (абстрактные существительные),
 areas, zones (места, зоны),
 diseases (болезни).

В каждом из сопоставляемых языков выделяются устойчивые словесные комплексы, понятные только в рамках данной культуры. Например, в английском языке такими являются сочетания:

White feather – a symbol or mark of cowardice.

White Friar – a Roman Catholic friar wearing the white cloak of the Carmelite order; mendicant preachers.

White House – the chief executive department of the United States government.

White lightning – the light of the Moon.

White Mountains – a section of the Appalachian Mountains in northern New Hampshire rising to 1,917.8 m (6,288 ft) at Mount Washington.

White supremacy – one who believes that white people are racially superior to others and should therefore dominate society.

White trash – (slang) an offensive term for White people who are impoverished.

Для русского языка устойчивыми являются следующие сочетания:

Белая горячка – тяжелая психическая болезнь на почве алкоголизма.

Белая кость (ирон.) – о дворянах.

Белые стихи (спец.) – стихи без рифм.

Белый билет (разг.) – свидетельство об освобождении от военной службы.

Средь бела дня (разг.) – днем, когда совсем светло.

Белым-бело (разг.) – очень бело.

Переосмысление значений “black” и “white” в составе фразеологических единиц

С конца 1980-х годов значительные результаты в изучении языковой концептуализации цвета были получены американским исследователем Р.Маклори. Согласно разрабатываемой им теории “позиционирования” (vantage theory), категоризация цвета определяется тем, что носители языка считают более существенным – сходство некоторого оттенка с ему подобными или противопоставление этого оттенка “по контрасту”.

При выявлении национально-культурной специфики переосмысления анализируемых цветов в различных лингвокультурах, целесообразнее основываться на анализе фразеологических единиц и паремиологического фонда сопоставляемых языков.

Как и все фразеологизмы, фразеологические единицы, включающие элемент цветообозначения, передают какую-либо оценку, мысли и чувства человека. Переосмысление черного цвета происходит в следующие сферы, в которых значение цвета часто утрачивается.

Универсальной для обоих языков является переосмысление в такие сферы как “одежда, детали одежды”, “сквернословие”, “зло, коварство, зависть, подлость”, “мрачный юмор”.

1. одежда, детали одежды: the black belt – черный пояс

“Чёрный пояс – синоним звания “дан” в японских и корейских боевых искусствах” (Яги Мэйтоку., с. 67). – “In martial arts, the black belt is a way to describe a graduate of a field where a practitioner's level is often marked by the color of the belt.” (<http://ru.wikipedia.org/>)

2. сквернословие: -ругать черными словами/ по-черному – сквернословить;

“Щемящее чувство свободы, запах костров и страстные объятия. Или же опасные глаза, черное слово вслед, врожденное желание украсть...” (Комсомольская Правда, № 73, 2007).

- black word (черное слово) – нецензурная брань;

3. зло, коварство, зависть, подлость: черная душа/сердце – black heart/soul – коварный, способный на низкие поступки человек.

“Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах, что у Гани душа черная” (Достоевский., с. 78.) – “She had black heart and she hated everyone.” (W.S. Maugham., p. 57).

- черная неблагодарность – black ingratitude (экспрессив.) – зло, коварство вместо признательности за добро; “It was Black ingratitude.” (W. S. Maugham., p. 39);

- черное дело – black business/ deal/ deed (черное дело, сделка, поступок) – преступление, коварный поступок; “The pirates' black deeds.” (John Drake., p. 76)

4. мрачный юмор:

- черная комедия – англ. black comedy – мрачная комедия;

- черный юмор – англ. black humor – мрачный юмор;

“Чёрный юмор – юмор с примесью цинизма, комический эффект которого состоит в насмешках над смертью, болезнями, физическими уродствами”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

Для английского языка специфичной также является сочетаемость с колоромофов с именами собственными, ставшими нарицательными, а также с абстрактными существительными “зло, коварство, зависть, подлость”.

- the Black Maria (черная Мария) – тюремный автомобиль, полицейская машина (для перевозки арестованных);

“The policeman took the three suspects to the police station in a Black Maria.” (W. S. Maugham., p. 13).

- black treason (черная измена) – подлая измена;

- black vengeance (черная месть) – коварная месть;

- black purpose (черная цель) – неблагоприятная цель;

- black guard (черная стража) – подлец, мерзавец, бездельник, негодяй;

- black hand (черная рука) – шайка бандитов;

“Black Hand is an unofficial name for the secret military society in the Serbian army in the Kingdom of Serbia”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

-to give someone a black look (бросить на кого-л. черный взгляд) – посмотреть на кого-либо со злостью;

“He gave me a black look.” (R. Macdonald., p. 65)

Специфичной для русского языка является сочетаемость с такими существительными, описывающими негативные стороны действительности, для которой свойственны зло, коварство, зависть, подлость, мрачный юмор.

- черный ворон(ок) – машина, на которой увозили ночью арестованного; Ибо каждый русский знает, что такое "черный ворон" – машина, увозящая людей в смерть (К. Симонов., с. 28).

- черный глаз – недобрый, дурной, завистливый взгляд; глаза, наводящие взглядом порчу, выражение связано с народным поверьем о "порче глазом" “Фимушка смертельно боялась духовных лиц; у них, по ее приметам, глаз был черный”. (Тургенев., с. 45)

- черные силы – силы зла;

“Черные силы тьмы”. (Александр Раков., с. 23)

- черная клевета – низкая клевета;

- черные люди – не порядочные люди;

- черный анекдот – мрачный анекдот.

Что касается белого цвета, то его переосмысление происходит в следующие сферы: “характеристика внешности человека”, “эмоциональное и физическое состояние человека”, “атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой”, “исключительные, феноменальные, перспективные способности человека”, “расовая/ расистская характеристика человека”, “волшебство, магия”, “социальный статус человека,

его работа”, “болезни, пороки человека и общества (проституция)”.

1. характеристика внешности человека:

- белый как бумага – англ. as white as a paper

- белый как мел – англ. as white as chalk;

“He was white as chalk”. (Robert Penn Warren., p. 47)

- белый как смерть – англ. (as) while as death;

2. эмоциональное и физическое состояние человека:

- англ. white-hot (горячий добела) – доведенный до белого каления – вышедший из себя.

“Его довели до белого каления.” (Стругацкие., с. 58)

3. атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой:

- белый билет – англ. white ticket – удостоверение о физической непригодности к воинской службе.

“Белый билет — разговорное обозначение военного билета для тех, кто негоден к военной службе по состоянию здоровья и/или в силу иных причин не служил в армии”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

4. исключительные, феноменальные, перспективные способности человека;

- белая ворона – англ. white crow – человек, резко выделяющийся чем-л. среди окружающих его людей, отличающийся чём-л., не похожий на них.

“She had her own individuality, she was white crow” (R. Macdonald., p. 89.)

“Она была белой вороной. Но люди любили ее даже такой.” (Диана Исламова., с. 68)

5. расовая/ расистская характеристика человека:

- белая раса – англ. white race (белая раса) – люди европейской расы;

- белый мусор – англ. poor white trash;

- белая беднота – англ. poor whites;

“Белая беднота – белые, но бедные и необразованные люди”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

6. волшебство, магия:

- белая магия – “положительное” влияние “высших”, потусторонних, ангелических сил, чар, духов элементов;

“Крещенские народные ритуалы – это белая магия и идет она с самого начала Святков...” (<http://ru.wikipedia.org/>)

- White Magic (белая магия) – чудеса, волшебство; чародейство с помощью “божественных сил”.

“There is another magic, white magic. Its principle is: work to earn as a reward every blessing that one enjoys”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

7. социальный статус человека, его работа:

- белые воротнички – white collar workers – сотрудник, занимающийся нефизическим трудом.

“У него было в жизни все. Он относился к такому классу людей, которых называли “белые воротнички” (А.Данилевский., с. 25.)

“The term white-collar worker refers to a salaried professional or an educated worker” (<http://ru.wikipedia.org/>).

8. болезни, пороки человека и общества:

- белая рабыня – девушка, которую вынудили заниматься проституцией;

- white slavery (белое рабство) – проституция.

“She was white slave and she understood it.” (R. Macdonald., p. 52)

Специфичными для английского языка являются такие сферы переосмысления, как “характеристика внешности человека”, “эмоциональное и физическое состояние человека”, “природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период”, “исключительные, феноменальные, перспективные способности человека”, “расовая/ расистская характеристика человека”, “волшебство, магия”, “хороший период в жизни

человечества”, “духовно-психологический портрет человека”, “социальный статус человека, его работа”.

2. цветовая характеристика внешности человека:

- (as) white as a ghost (белый как привидение)
- (as) white as ashes (белый как пепел)
- (as) white as clay (белый как глина, прах)
- (as) white as ceiling (белый как потолок)
- (as) white as a whale bone (белый как китовая кость)
- (as) white as fleece (белый как руно, овечья шерсть) – смертельно бледный;

побледневший;

- (as) white as a sheet (белый как полотно);

“Marilyn turned as white as a sheet when the policeman told her that her son had been in a car wreck”. (R. Macdonald., p. 98)

- (as) white as wool (белый как шерсть).

2. эмоциональное и физическое состояние человека:

- to flow into a white rage (излиться в белую ярость) – прийти в состояние иступления, полной потери самообладания;

“He flew into a white rage and shouted to me”. (R. Macdonald., p. 35)

- at a white heat (до белой жары) – в ярости, чрезвычайно возбужденном состоянии, в иступлении;

- white heat/ rage/ fury (белая -жара/ ярость) – неистовство, бешенство, ярость;

- to drive to a white heat (въехать в белую жару) – вывести из терпения, из себя, лишать кого-то самообладания, сильно разозлить;

- white night (белая ночь) – бессонная ночь.

“He had an awful white night”. (R. Macdonald., p. 12)

3. природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период:

- white frost (белый мороз) – изморозь, иней;

“White frost is a solid deposition of ice which forms directly from water vapour contained in air”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

- white harvest (белый урожай) – уборка урожая после заморозков.

4. исключительные, феноменальные, перспективные способности человека:

- white hope (белая надежда) – человек, подающий большие надежды, который должен принести удачу;

“A reporter tells Frank Brady that he is the white hope”. (Howard Sackler., p. 55)

5. расовая/расистская характеристика человека:

- white supremacy (белая верховная власть) – расизм;

- lily white – 1) состоящий только из белых, не имеющий в своем составе ни одного негра; 2) только для белых;

- white regions (белые районы) – районы, где преобладает население европейской расы;

- a white man (белый человек) – белый человек, испанец (в отличие от индейцев) – представитель европейской расы.

“Mr.Stone believed that he was white man.” (D. Cusack., p.18)

6. волшебство, магия:

- white witch (белая ведьма) – добрая волшебница.

7. хороший период в жизни человечества:

- white day (белый день) – счастливый день;

“White day is a day celebrated in Japan and South Korea on March 14, one month after Valentine's Day”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

8. духовно-психологический портрет человека:

- the white rose of virginity/innocence (белая роза девственности/ невинности) – символ

непорочности, чистоты;

“The white rose meanings stands for purity, virginity and innocence of the bride at a wedding”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

9. социальный статус человека, его работа:

- white knight;

“In business, a white knight , or "friendly investor" may be a corporation, or a person that intends to help another firm”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

Специфичной для русского языка является сочетаемость с такими ЛСГ существительных, как “атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой”, “природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период”, “расовая/ расистская характеристика человека”, “алкоголь, алкоголизм”, “хороший период в жизни человечества”, “социальный статус человека, его работа”.

1. атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой:

- в белый свет как в копеечку (выстрелить, палить)

“стрелять, не целясь”. (словарь Ожегова)

2. природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период:

- белое безмолвие – Заполярье;

- белая пахота;

“снегозадержание”. (словарь Ожегова)

3. расовая/расистская характеристика человека:

- белые банды – расисты;

“Белые банды предоставляли защиту своим белым собратьям, присоединившимся к ним, а афроамериканские банды защищали черных”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

4. алкоголь, алкоголизм:

- белая головка – водка;

- белая горячка;

“Белая горячка обычно возникает при алкоголизме, в период прерывания запоя.” (<http://ru.wikipedia.org/>)

- напиться до белой горячки – напиться до состояния сильного опьянения.

5. хороший период в жизни человечества:

- белая полоса (в жизни) – счастливый, радостный период в жизни человека;

“У него началась белая полоса в жизни”. (Достоевский., с. 82)

6. социальный статус человека, его работа:

- белые халаты – врачи, медицинский персонал.

Символика черного и белого цвета

Как видно из проведенного анализа, как в английском, так и в русском языке черный цвет обозначает все темное в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым. Кроме того, черным в переносном смысле называется что-либо мрачное, безотрадное, тяжелое или преступное, злостное, а также второсортное, не имеющее привилегий. Это характерно как для русского, так и для английского языка.

Черный цвет и обоих языках имеет ярко выраженную негативную коннотацию и соотносится с такими понятиями, как “неудача”, “зло”, “тоска”. Прилагательное “black” означает “черный”, “секретный”, “злой”, “нелегальный” (“black money” – “грязные деньги”, “black market” – “illicit traffic in rationed, prohibited or scarce commodities”, “blackmail” – “extortion of payment in return of silence”, “a black-bag job” – “an illegal clandestine entry into somebody’s premises by a law enforcement agency or a private detective”).

Хотя в природе, окружающей человека, черный цвет не преобладает, издревне все антагоничные понятия, как-то – добро и зло, радость и горе, смерть и жизнь обозначались черным и белым. Черный цвет поглощает все остальные цвета и негативно воздействует на психику, настроение человека, но, возможно, именно эта ярко выраженная негативная

энергия и стала причиной того, что в мышлении человека с черным цветом прочно связалось все плохое, безрадостное. В русском народном языке слово “черный” обозначает нечто старое, грязное, незавершенное, лишённое блеска: черная старуха, чернавка, черный ход, черный пол, черновик; а также мрачное и невеселое: черный юмор, “пить по-черному”.

Магическая символика черного цвета: черная магия, демонизм, колдовство.

Магические ритуалы были неотъемлемой частью культуры всех времен и народов. К черной магии причисляли вызывание духов мертвых, убийство или наведение “порчи” на расстоянии, внушение любовной страсти или ненависти.

Этические характеристики: гордыня, тайная зависть, греховность, злоба, подлость, мстительность. Черный – это цвет палачей, убийц, пиратов; известны выражения “черная неблагодарность, черная злоба и т.д.”

Язык ритуалов: похороны, свадьбы, оккультные обряды.

Знаки, символы: знак смерти на флагах анархистов, пиратов, знаки неонацистов – свастики, черные рубашки; черный лоскут в британском суде – знак смертного приговора, траурный костюм в Европе, черная ряса – знак монашества.

Позитивные значения черного: молодость, красота, покой (отдых).

Вообще метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг. Интересное культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане – на дождливый: against a rainy day.

Напротив, “white” – цвет мира (white dove – белый голубь, символ мира), цвет свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого.

Даже когда “white” сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, “white” смягчает, облагораживает негативное значение последнего: “white lie” – ложь во спасение, морально оправданная ложь.

Древнейшие символические значения белого в русском и английском языках в основном позитивны: благо, радость, чистота, невинность, честность:

- “white hot” – впечатляющий, волнующий;
- “to mark with a white stone” – отметить какой-либо день как особо счастливый;
- “white hope” – перспективный человек;
- “white lie” – ложь во благо;
- “white-haired/white-headed boy” – любимчик;
- “to be whiter than white” – быть предельно честным, нравственным;
- “lily-white reputation” – незапятнанная репутация;
- “white hands” – честность, незапятнанность, невиновность;
- “white light” – в объективном освещении.

Белый – цвет благородства, знатности, величия, привилегированности. Поэтому и символы государственности включают этот цвет. “White Rose” эмблема Йоркского королевского дома, “Whitehall(Palace)” – резиденция британского правительства или само правительство, “Whitehall Street” – улица в Лондоне, где располагаются государственные учреждения, “The White House” – резиденция правительства США или само правительство, “white-collars” – служащие компаний (которые не заняты физическим трудом), “white paper” – правительственное сообщение, “white-tie” – правительственный прием (из-за правила появляться на нем в белом галстуке), “white knight” – спаситель; лицо или компания, которые инвестировали другую компанию, чтобы спасти ее. Белый – это цвет мира, спокойствия: “show/fly the white flag” – сдаться; показать мирные намерения и добрую волю; “white alert” – отбой воздушной тревоги; сигнал, что опасность миновала; “to stand in a white sheet” – публично каяться.

Но у белого есть и негативные значения: болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение: “to be/look white as sheet (ghost, death)” – очень сильно побледнеть (обычно от

страха или волнения); “to be white-hot” – быть разъяренным, доведенным до белого каления; “white-knuckle ” – событие или путешествие, которое вызывает сильное волнение из-за его опасности. Этот цвет может так же означать трусость: “white feather/liver” – трус. Цветовой компонент “white” помимо значения “белый”, также ассоциируется с прилагательным “чистый”, “непорочный”, “бледный”, “снежный” (“a white wedding” – “свадебная церемония, все атрибуты которой подчеркивают непорочность невесты”, “white light” – “честное, беспристрастное суждение”, “a white hope” – “a person expected to achieve much”).

Белый цвет был многозначным символом во все времена и у всех народов. Главное и исходное его значение – свет. Белый тождествен солнечному свету, а свет – это божество, благо, жизнь, полнота бытия. Символические значения белого: полный покой, безмятежность, мир, тишина, чистота, пустота, целомудрие, девственность, сосредоточенность. Магическое действие – белая одежда и окраска – средство, способствующее очищению, удаче в войне (у примитивных племен), долгой жизни, здоровью, благу.

Язык общения с богами и духами – белые одежды богов, ангелов, святых, праведников в раю, одежды служителей в православной и католической церкви, белая окраска христианских храмов.

Язык ритуалов – белые одежды надевают во время праздников крещения, причастия, Рождества Христова, пасхи, Вознесения, освящения храмов. Белым был и основной цвет королевских регалий.

Заключение

Употребление каждого конкретного слова приобретает значимый характер только в сочетании с другими словами.

В результате проведенного нами анализа лексической сочетаемости, мы пришли к выводу, что прилагательные black, white и черный, белый, сочетаясь с другими словами, приобретают новые значения.

Путем сплошной выборки нами были отобраны примеры из художественной литературы английского и русского языков и на основе данных примеров выявлены универсальные и специфичные лексико-семантические группы: artifacts, clothes (артефакты, одежда), times of a day (время суток), parts of a human body (части тела), food and drinks (еда и напитки), metals and minerals (полезные ископаемые), fauna (фауна) и другие.

Нами рассмотрена символика черного и белого цветов в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Как в английском, так и в русском языке черный цвет обозначает все темное в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым. Черный цвет и в том, и в другом языке имеет ярко выраженную негативную коннотацию и соотносится с такими понятиями, как “неудача”, “зло”, “тоска”.

Черный цвет поглощает все остальные цвета и негативно воздействует на психику, настроение человека, но, возможно, именно эта ярко выраженная негативная энергия и стала причиной того, что в мышлении человека с черным цветом прочно связалось все плохое, безрадостное.

Напротив, “white” – цвет мира (“white dove” – белый голубь, символ мира), цвет свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого.

Даже когда “white” сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, “white” смягчает, облагораживает негативное значение последнего: “white lie” – ложь во спасение, морально оправданная ложь. Вообще метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг. Интересное культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане – на дождливый: against a rainy day.

Древнейшие символические значения белого в русском и английском языках в

основном позитивны: благо, радость, чистота, невинность, честность. Белый – цвет благородства, знатности, величия, привилегированности. У белого цвета есть и негативные значения: болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – М.: Физматлит, 2005.
2. Берлизон, С.Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // семантическая структура слова и фразеологизма: [Сб.] / С.Б. Берлизон – Рязань, 1980.
3. Качаева, Л. Прилагательные, обозначающие цвет в произведениях А.И. Куприна. Уч. зап. ДВГУ / Л. Качаева, 1968. – Т. XI. – С. 80–87.
4. Светличная, Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: Дис. канд. филол. наук / Т.Ю. Светличная. – Пятигорск, 2003.
5. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988.
6. Снегирев, И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И.М. Снегирев. – М., 1839.
7. Яньшин, П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта / П.В. Яньшин. – М., 2002.

Материал поступил в редакцию 28.10.21

THE SYMBOLISM OF BLACK AND WHITE IN ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURE

S.O. Arkhipova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Moscow State Institute of International Relations, Russia

***Abstract.** The relevance of this study is dictated by the activity of the functioning of the colors "black" and "white" in English and Russian, and the special cultural significance of these colors in the compared linguistic cultures, which indicates their ability to most vividly convey the national-cultural specifics of perception and description of reality.*

***Keywords:** black, white, color, linguistics, linguoculture, symbolism.*

УДК 811.111'373

НОВЫЕ ДЕБАТЫ О РАСИЗМЕ И ПЕРЕСМОТР ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ НА КОРПОРАТИВНОЙ АРЕНЕ НА ФОНЕ ПРОТЕСТОВ BLACK LIVES MATTER ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ДЖОРДЖА ФЛОЙДА

М.М. Кокова, преподаватель

Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение
Высшего Образования «Пятигорский Государственный Университет» (Пятигорск), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются протесты Black Lives Matter по всему миру, которые спровоцировали новые дебаты о расизме в спорте, развлекательной индустрии и повседневной жизни, включая использование оскорбительных символов и образов на корпоративной арене. После десятилетий критики за то, как их продукция увековечила расовые стереотипы, протесты после гибели Джорджа Флойда вынудили производителей культовых американских лейблов объявить о ребрендинге.*

***Ключевые слова:** рабство, расизм, протесты, оскорбительные символы, растущее давление, объявления о ребрендинге.*

Соединенные Штаты Америки являются особым случаем среди демократических стран, в которых порабощение африканцев и их потомков продолжалось в течение длительного времени и где рабовладельцы долгое время сопротивлялись переменам, борясь за защиту того, что они считали своей собственностью, и за сохранение «своего образа жизни». Расизм долгое время оставался институционализированным и частью культуры многих людей.

Долгая история расизма тесно переплетена с колониализмом и рабством. Рабство отличается от других форм расовой дискриминации тем, что оно просто отрицает, что порабощенный является человеком. Это лишает человека его человечности, превращая его в товар, который продается, покупается и используется в качестве полевых или домашних рабов. Изменение системы рабства началось с его криминализации, но расизм не может быть устранен путем принятия законов, а скорее путем взаимодействия между потребностями современной жизни и ценностями качества, воспитания гражданственности и свобод, на которых основана либеральная демократия, и борьбой за равенство и политические права. Темнокожие американцы постепенно получили доступ ко всем учреждениям и сферам жизни, от спорта и искусства до университетов, армии, судебной системы, политики. В каждой из этих областей есть свои истории, символы и герои. Есть известные поворотные события, которые представляют собой вехи в этой борьбе, такие как протесты против жестокости полиции после убийства Джорджа Флойда [3, с. 6-7].

В конце мая 2020 года по США, а затем и по всему миру прокатилась волна массовых протестов, вызванных убийством афроамериканца Джорджа Флойда при задержании в Миннеаполисе 25 мая 2020 года. Ядром этих протестов стало антирасистское движение Black Lives Matter (BLM) за права афроамериканцев и представителей других небелых рас – децентрализованное и «безлидерное», оно появилось сначала в виде хэштега в соцсетях как реакция на оправдание белого убийцы афроамериканского подростка.

Движение Black Lives Matter (жизни темнокожих имеют значение) целью которого является борьба с расизмом и жестокостью по отношению к афро-американцам, в особенности с полицейским произволом, зародилось в Соединенных Штатах в 2013 году.

Само название уже выражает осуждение несправедливых убийств темнокожих полицейскими (темнокожие чаще погибают от рук полицейских, нежели белые люди) и призывает общество ценить жизнь темнокожих наравне с белыми людьми.

Движение Black Lives Matter преследует множество целей. Активисты BLM стремятся привлечь внимание к несправедливому обращению к чернокожим в обществе и к тому, как различные институты, закон и политика только усугубляют эту несправедливость. Движение боролось с расизмом через политические инициативы, петиции и ненасильственные протесты.

Основатели движения заявляют, что Black Lives Matter – это «идеологическое и политическое воздействие на мир, где черные жизни систематически и намеренно подвергаются уничтожению. «Наше движение – это подтверждение человечности черных людей, нашего вклада в это общество и нашей стойкости перед лицом смертельного угнетения». Соучредитель Алисия Гарса сказала в интервью, что «цель BLM – построить такое общество, в котором черные люди могут жить с достоинством и уважением».

BLM выступает против жестокости полиции, чрезмерного контроля над районами проживания меньшинств и призывает к улучшению профессиональной подготовки сотрудников полиции и большей ответственности за их неправомерные действия.

Они активизировали протестное движение в ответ на ситуацию, когда Джордж Циммерман, человек немецкого и перуанского происхождения, был оправдан по обвинениям, связанными с его смертельным выстрелом в Трейвона Мартина, невооруженного чернокожего подростка, в Сэнфорде, штат Флорида, в феврале 2012 года.

Это убийство привлекло внимание всей страны, демонстрации с требованием судебного преследования прошли во многих городах США. В конце концов, ему было предъявлено обвинение в убийстве второй степени, и он был арестован в апреле 2012 года. Однако в июле 2013 года он был оправдан, что было воспринято как судебная ошибка и привело к новым протестам по всей стране.

Движение BLM расширилось в 2014 году после того как от рук полицейских погибли два невооруженных чернокожих, Эрик Гарнер и Майкл Браун. Эти смерти – а также отказ прокуратуры выдвинуть обвинения против офицеров – привели к новым крупным протестам во имя Black Lives Matter, которые привлекли внимание страны и всего мира. После этого движение BLM стало играть более заметную роль в демонстрациях против жестокости полиции и расизма.

В мае 2020 года смерть Джорджа Флойда, невооруженного темнокожего мужчины, наступила после того, как Дерек Шовин, белый полицейский Миннеаполиса, давил коленом на шею Флойда около 8 минут 46 секунд. Эта трагедия также привлекла внимание страны к более ранним убийствам двух других афроамериканцев: Ахмауда Арбери и Бреонны Тейлор. Хотя смерти Арбери и Тейлор изначально мало освещались в СМИ, после убийства Джорджа Флойда они также стали причиной общенациональных демонстраций, которые привлекли широкое внимание к проблеме укоренившегося расизма в американском обществе. Отовсюду раздавались яростные призывы к усилению ответственности полиции. В 2021 году Дерек Шовин был признан виновным в убийстве. Это был редкий случай, когда был вынесен обвинительный приговор за полицейский произвол.

После смерти Джорджа Флойда протесты Black Lives Matter по всему миру вызвали новые дискуссии о расизме и в повседневной жизни, включая использование оскорбительных символов и образов на корпоративной арене. Знаковые американские лейблы, в том числе Aunt Jemima, Uncle Ben's, Eskimo Pie и Cream of Wheat, заявили, что будут переименовывать свои символы, которые десятилетиями критиковались за расистский оттенок.

Когда летом прошлого года после убийства Джорджа Флойда страна была охвачена протестными движениями БЛМ, снова вспыхнули споры про использование расистских оскорбительных символов и образов на корпоративной арене. Многие компании

переосмыслили свой устаревший маркетинг и объявили о ребрендинге в стремлении обеспечить многообразие в корпоративном бизнесе [6].

В The Quaker Oats Company было принято решение изменить имя и образ «Тети Джемаймы» – бренда смеси для блинов, сиропа и других продуктов для завтрака, разработанный в 1888-1889 годах компанией Pearl Milling, признав, что они основаны на расовых стереотипах и не отражают главных ценностей компании. Вице-президент и маркетинговый директор Quaker Foods North America Кристин Крэффл, заявила: «Поскольку мы работаем над продвижением расового равенства посредством ряда инициатив, мы также должны внимательно изучить наше портфолио брендов и убедиться, что они отражают наши ценности и соответствуют ожиданиям наших потребителей».

Образ "Тети Джемаймы" основан на распространенном архетипе рабыни "Мэмми" изображающим полную чернокожую женщину в головном платке, с темной и лоснящейся кожей и жемчужно-белой улыбкой. В 1968 году компания заменила платок на клетчатую повязку, а в 1989 году образу добавили кружевной воротник и жемчужные сережки, который сохранялся на продуктах до начала 2021 года.

Но, все же, многие видели в ней темнокожую женщину, которая все также старательно готовит и служит в белой семье. Персонаж "Тети Джемаймы" воплотил в себе пост-реконструкционную фантазию об идеализированной домашней обстановке и гостеприимстве «счастливого раба» и показывал глубокую потребность оправдать довоенный Юг.

В сентябре Mars Food объявила, что переименует «Uncle Ben's» «Рис дяди Бена» в «Ben's Original» и уберет на упаковке изображение улыбающегося седовласого чернокожего мужчины.

Вдохновением для бренда «Рис дяди Бена» предположительно был афроамериканский фермер из Техаса, известный своим высококачественным рисом. «Дядя Бен» появился на рынке в 1940-х годах и на протяжении десятилетий был самым продаваемым рисом в США. Все это время маркетинговая политика "Тети Джемаймы" и «Дяди Бена» подвергалась критике за сохранение расовых стереотипов. Обращение "дядя" и "тетя" в этом контексте использовалось в южных штатах США для обращения к пожилым (темнокожим) рабам вместо более формальных и уважительных "мисс" или "мистер" [2].

В 2007 году компания пыталась обновить свой маркетинг с помощью кампании, в которой Бен был представлен председателем совета директоров вместо предыдущего, более услужливого образа.

На фоне протестов Mars Inc., материнская компания брэнда Дяди Бена, заявила, что планирует «эволюцию брэнда» как способ «выразить свою позицию, в отношении расовых предубеждений и несправедливости». "Мы прислушиваемся к голосам потребителей, особенно в чернокожем сообществе, и к голосам наших партнеров по всему миру, и мы понимаем, что сейчас подходящее время для пересмотра брэнда, в том числе его визуальной идентичности, что мы и сделаем», – говорится в заявлении.

Этому примеру последовали и другие знаковые американские брэнды.

«Mrs. Butterworth's syrup» «Сироп миссис Баттерворт» давно критиковали за дизайн бутылки, которая изображал любящую бабушку, что тоже уходило корнями в стереотип Мэмми. Компания заявила, что начинает «полный пересмотр брэнда упаковки», признавая, что он может «интерпретироваться как противоречащий нашим ценностям». «Мы понимаем, что наши действия играют важную роль в устранении расовых предубеждений, и в результате мы начали полный пересмотр брэнда и упаковки миссис Баттерворт», – говорится в заявлении Conagra Brands.

Steam of Wheat, кашевый микс, также пообещал переосмыслить использование своего более чем 120-летнего талисмана – улыбающегося чернокожего повара, которого считают карикатурой на счастливого и довольного раба.

Бренд мороженого «Eskimo Pie» также заявил, что изменит свое название. На упаковке изображен "Эскимос" – уничижительный в расовом отношении термин, используемый для обозначения инуитов и юпиков на Аляске. Представитель компании Элизабель Маркес заявила: «Мы стремимся быть частью решения проблемы расового равенства и признаем, что этот термин является уничижительным. Этот шаг является частью более масштабного анализа, призванного гарантировать, что наша компания и бренды отражают ценности наших сотрудников» [7].

В мире спорта и индустрии развлечения, в первую очередь американского, тоже происходят фундаментальные изменения, вызванные мировой антирасистской кампанией. Футбольная команда "Вашингтон Редскинс" долгое время подвергалась критике за название, оскорбительное для многих коренных американцев. Столкнувшись с еще большей негативной реакцией после смерти Флойда, команда объявила, что изменит свое название. «Это хорошее решение для страны, а не только для коренных народов, поскольку оно закрывает болезненную главу очернения и неуважения к коренным американцам и другим цветным людям», заявил Рэй Холбриттер представитель индейского племени Онейда [1].

В сфере развлечений люди потребовали, чтобы издательская индустрия выпускала больше книг чернокожих авторов и цветных писателей, а также стремилась к разнообразию их редакционного, маркетингового, рекламного и исполнительного персонала. Благодаря Black Lives Matter изменился и язык американских печатных изданий. Ранее несколько американских изданий, включая New York Times, Los Angeles Times, Associated Press и BuzzFeed объявили, что отныне будут писать слово Black применительно к людям африканского происхождения в США и других странах мира с большой буквы – в знак уважения к их «культурным связям и общему историческому опыту», как говорится в заявлении редакции Washington Post, которая присоединилась к этой инициативе в конце июля 2020 года [5].

Канал HBO Max ненадолго отозвал оscarоносный фильм 1939 года «Унесенные ветром» за изображение рабства и довоенного Юга, прежде чем вернуть его на платформу с дополнительным видеопояснением контекста фильма. Классический фильм долгое время считался спорным из-за специфики изображенных чернокожих и прославления рабства.

В своем заявлении HBO Max пояснил: «Унесенные ветром» – продукт своего времени и отражает некоторые этнические и расовые предрассудки, которые, к сожалению, были обычным явлением в американском обществе». «Эти расистские изображения были неправильными тогда и являются неправильными сегодня, и мы решили, что сохранять это название без объяснения и осуждения этих изображений было бы безответственно», – говорится в заявлении [1].

Спустя 45 лет, как раз в преддверии выпуска новой модели, нация Чероки обратилась к корпорации Jeep переименовать свои самые продаваемые автомобили Cherokee и Grand Cherokee. Вновь просьба прозвучала в условиях более широкого общественного запроса на расовое равенство после убийства полицией чернокожего Джорджа Флойда в мае. Нация чероки неоднократно выражала разочарование использованием Джипом этого названия, но это первый прямой запрос на перемены.

В США все более преобладающим является мнение, что использование коренных народов в качестве талисманов и символов является формой дискриминации, которая негативно влияет на самооценку детей коренных народов и подрывает способность коренных народов «представлять точные и уважительные образы своей культуры, духовности и традиций».

Главный руководитель нации Чероки Чак Хоскин-младший стремится обеспечить более широкое понимание общественностью истории и культуры чероки. По его мнению, использование названия племени на таких продуктах, как Jeep Cherokee, хотя и задумывалось с благими намерениями, не способствует углублению знаний о народе чероки. «Это очень ограниченный способ обучения людей», – сказал Хоскин. «Такой подход

укрепляет идею о том, что чероки принадлежат к какой-то ушедшей эпохе и все, что у нас осталось, – это лишь символы, которые мы можем кое-как собрать вместе» [8].

Black Lives Matter уже называют крупнейшим гражданским движением в американской истории.

Однако раздаются критические голоса, что движение Black Lives Matter выступает не столько против конкретных ущемлений прав темнокожего населения, сколько против предполагаемой несправедливости американской системы, капитализма и «белого превосходства». Его миссия вовсе не в спасении черных жизней. Тысячи смертей в результате убийств черных черными не привлекают внимания и не вызывают протестов, равно как и гибель полицейских из интегрированных сил полиции, которые они подвергают нападкам. Яростное осуждение лозунгов вроде “All Lives Matter” and “Blue Lives Matter” как «расистских» разоблачает именно расистскую движущую силу, стоящую за их собственными планами

Усилившиеся культурные войны могут подтолкнуть правое дело к опасным крайностям. Левые перегибают палку, нападая на все большее количество исторических и более современных элементов культуры. Уж слишком они готовы выпустить "расистскую" пулю в любого, кто осмелится сказать что-то, что им не нравится, или осмелится выразить свои сомнения или замешательство по поводу движения BLM.

Это может стать ахиллесовой пятой этого движения. В то время как настоящие расисты хорошо защищены своим безразличием к крикам протестующих, сочувствующие истекают кровью из ран, оставленных катком антирасизма [4].

Считается, что Америка изначально была «построена на геноциде коренных народов и системе рабского труда» и «продолжает процветать за счет жестокой эксплуатации цветных людей».

Подытоживая сказанное, можно отметить, что как бы славно ни выглядела политкорректность, США никогда не были избавлены от расового неравенства. Это и невозможно сделать одними громкими заявлениями и потаканием общественным настроениям.

Между тем, проблема расового равенства все больше политизируется в США и превращается в инструмент влияния для политиков, чтобы получить больше политических очков.

Политическая корректность не может быть единственным средством борьбы с расовым неравенством. До тех пор, пока американские политики будут политизировать проблему и использовать ее в своих интересах, простые американцы не получают реальное расовое равенство, и кризис расизма будет возникать снова и снова.

Конфликты между республиканцами и демократами становятся чрезвычайно интенсивными. Импульс развития и жизнеспособность реформ растворяются в повседневных партийных конфликтах. Но если так будет продолжаться и дальше, хватит ли у США политических ресурсов чтобы решить эту социальную проблему, а не быть полностью раздираемыми ею на части?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duchess Harris Jd PhD , Alexis Burling The Killing of George Floyd (Special Reports) Abdo Publishing (December 15, 2020) Library Binding : 112 pages
2. <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56015551> (дата обращения: 04.11.21)
3. <https://www.dohainstitute.org/en/Lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/Black-lives-Matter-on-Racism-and-Political-Correctness.pdf> (дата обращения: 04.11.21)
4. <https://www.globaltimes.cn/content/1192174.shtml> (дата обращения: 04.11.21)
5. <https://meduza.io/> (дата обращения: 04.11.21)
6. <https://indianexpress.com/article/explained/george-floyd-racism-debate-us-brands-aunt-jemima-6468098/> (дата обращения: 04.11.21)

7. <https://www.today.com/tmrw/list-brands-have-had-change-public-opinion-black-stereotypes-shifts-t184726> (дата обращения: 04.11.21)

8. <https://www.washingtonpost.com/business/2021/02/22/chokeberry-nation-new-jeep-name/> (дата обращения: 04.11.21)

Материал поступил в редакцию 05.11.21

**NEW DEBATE ABOUT RACISM AND REVISING OFFENSIVE
IMAGES AND SYMBOLS IN THE CORPORATE ARENA
AGAINST THE BACKDROP OF PROTESTS BLACK LIVES MATTER
AFTER THE DEATH OF GEORGE FLOYD**

M.M. Kokova, Teacher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Pyatigorsk State University (Pyatigorsk), Russia

***Abstract.** The article analyzes Black Lives Matter protests around the world, which provoked new debate about racism in sports, the entertainment industry and everyday life, including the use of offensive symbols and images in the corporate arena. After decades of criticism for how their products perpetuated racial stereotypes, protests after the death of George Floyd forced manufacturers of cult American labels to rebrand.*

***Keywords:** slavery, racism, protests, offensive symbols, growing pressure, rebranding announcements.*

UDC 1751

**LA SOBREENSTIMULACIÓN COMO FACTOR DETERMINANTE
PARA LA SELECCIÓN DEL RECUERDO: ENTONCES,
¿QUÉ GUARDAREMOS EN LA MEMORIA?**

F.L. Mendoza Ruíz¹, H.I. López Coronel², V. Pérez³

¹ Doctora en Ciencias del Lenguaje, Profesora de la Facultad de Ciencias de Comunicación,

² Maestro en Literatura Mexicana, Profesor de la Facultad de Ciencias de Comunicación,

³ Doctora en Ciencias del Lenguaje, Profesora-Investigadora del Instituto
de Ciencias Sociales y Humanidades

Benemérita Universidad Autónoma de Puebla (Puebla), México

Resumen: El objetivo de este trabajo es reflexionar acerca de la relación que existe entre literatura y cine con el propósito de determinar cuál de las dos manifestaciones artísticas formará parte de la memoria individual del espectador y, posteriormente, de la memoria colectiva de su grupo.

Palabras clave: literatura, novela, cine, memoria, recuerdo.

El cine es un arte que se ha desarrollado, desde sus inicios, de forma apresurada y ha alcanzado altos niveles de audiencia por sus características. En su nacimiento, la producción cinematográfica está fuertemente relacionada con la fotografía y la narrativa literaria, esto quizá se debe a que en el séptimo arte se conjuga de alguna manera estas dos manifestaciones artísticas. Basta recordar que las primeras patentes de los artefactos que servían para proyectar las películas no reconocen en primera instancia su aptitud para contar historias. Si hablamos del quinetoscopio (o *kinetoscope*) de Edison, invento patentado en 1893, solamente fue descrito como “una máquina que podría hacer para los ojos aquello que el fonógrafo hace para los oídos” [6, p. 513]; por otro lado, Louis y Auguste Lumière registraron en 1895 un “aparato que sirve para la obtención y visión de pruebas cronofotográficas” [5, p. 10].

Aunque no poseemos una fecha exacta del nacimiento del cine, es posible situarlo a finales del siglo XIX, este hecho nos permite explicar cómo el arte cinematográfico es, en palabras de Gubern [5], heredero de un bagaje cultural adquirido que ha permitido su “evolución fulminante, su rápido devenir, su pronta madurez, con la carga inicial que le han proporcionado las otras artes” [5, p. 12]. No obstante, no fue necesario que transcurriera mucho tiempo para que durante las grabaciones de las primeras vistas cinematográficas se descubriera que el cine puede contar historias, y más adelante se inició la relación con la literatura debido a que “la narrativa literaria siempre mantuvo su hegemonía como disparadora de proyectos cinematográficos, y las razones de dicha hegemonía debería rastrearse en la potencialidad de narrar ficciones que le es atribuida a ambos medios, al menos mayoritaria e industrialmente” [13, pp. 34-35]. Desde ese momento se han rodado miles de películas con base en argumentos literarios que son transpuestos al soporte audiovisual cinematográfico y que supone la materialización de las historias que hasta el momento solamente eran recreadas en la mente del lector.

Sin embargo, este vínculo ahora irrompible entre literatura y cine no fue bien recibido por todos los estudiosos del arte, por ejemplo, Viktor Sklovski, afirma que si es imposible expresar una novela con palabras diversas a aquellas con las que ha sido escrita, si no se pueden modificar los sonidos de un poema sin modificar su esencia, aún menos se puede sustituir una palabra por una sombra gris–negra centelleante sobre la pantalla [7].

Esta postura en contra de la materialización de la literatura bajo el soporte audiovisual que ofrece la película de celuloide no impidió que las obras literarias siguieran dotando de historias para contar al cine. David W. Griffith representa uno de los ejemplos más firmes que tenemos en este sentido, debido a que llevó a cabo múltiples realizaciones cinematográficas que derivaron de textos literarios: “*La canción de la conciencia*, sobre un poema de Robert Browning, o sobre la novela de Jack London en *El llamado de la selva*, o bien sobre el relato de Robert Louis Stevenson en *El club de los suicidas*, o con Guy de Maupassant en *El regreso del hijo* o *El collar*, o con James Fenimore Cooper en *Al estilo mohicano*, o sincretizando dos cuentos y un poema de Edgar Allan Poe en *La conciencia vengadora* por citar sólo un puñado de más de una decena de casos que contemplaron versiones de Tennyson a Mark Twain, de O. Henry a Víctor Hugo o Tolstoi” [13, p. 17].

Debido a que muchas son las películas que retoman historias literarias, no hay hasta el momento un inventario o recuento confiable acerca de cuántos y cuáles son los relatos cinematográficos de esta naturaleza en todo el mundo. Existen algunas listas que relacionan las mejores adaptaciones de determinado autor o director, también hay registros de las mejores adaptaciones (a juicio de quien las elabora) que se basan en el género cinematográfico, o de acuerdo con criterios temáticos y estéticos, entre otros. Esta tarea quizá no se ha emprendido por que *a priori* parece una actividad enorme, inaccesible, en la que los datos seguirán modificándose pues la transposición es uno de los fenómenos sociales y artísticos más dinámicos que pervive en la actualidad.

Habrà quizá algunos intentos por iniciar con este trabajo, como la investigación de Martha Vidrio que puede consultarse en su libro *La adaptación de la obra literaria en el cine mexicano* (2013). El texto publicado por la Universidad de Guadalajara compila 736 fichas técnicas de películas con referente literario previo. En su investigación, la autora recopiló y seleccionó los materiales a partir de lo que ella consideró como géneros clásicos de la literatura, es decir, únicamente incluyó transposiciones de novelas, cuentos, obras de teatro y poemas; otras formas literarias fueron omitidas de este recuento. Además, ofrece un panorama de las películas inscritas en la época del cine silente, entre 1897 y 1929, y aquellas citas del cine sonoro producidas entre 1930 y 2007. Nótese que, para nuestros días, este inventario es insuficiente a diez años de su publicación en los cuales es muy probable que hayan aumentado los títulos cinematográficos que son inspirados por obras literarias.

Uno de los puntos que merecen nuestra atención es el conjunto de criterios que se consideran antes y durante la selección de obras literarias que han de llegar al cine. André Bazin (2006), por ejemplo, argumentaba que solamente deberían ser consideradas las obras maestras de la literatura; en primer término, porque son numerosas, y además porque su calidad es poco discutible [2, p. 167]. Esta idea era compartida por la compañía cinematográfica Pathé, organismo que creó la Sociedad Cinematográfica de Autores y Gente de Letras, por sus siglas SCAGL, y el *Film d’Art*, cuyo propósito principal “era filmar y recrear clásicos de la literatura y el teatro con la participación de músicos, actores e incluso autores consagrados para darle un toque intelectual al cine y conquistar a un público burgués con más conocimiento y más poder adquisitivo” [10, p. 68]. En cierta manera, le apostaban al éxito que ya había tenido previamente la obra literaria y de esta manera aseguraban que la película obtuviera la aprobación del público.

Otros autores, sin embargo, manifiestan que es mejor retomar obras de segunda categoría en cuanto al valor estético de la obra porque de esta manera, si el resultado no es del todo aceptado por los espectadores no habrán mancillado a la literatura [7, p. 27]. Tanto ésta como la afirmación anterior muestran una relación jerárquica entre cine y literatura en la cual el primero no es más que un entretenimiento y la segunda es un arte muy por encima de él. Y esta idea también ha sido

sembrada en el receptor cinematográfico que suele comparar ambas manifestaciones de la misma historia y generalmente concluye que el libro siempre es mejor que la película. En realidad, no está comparando las obras en sí mismas sino la experiencia estética que se deriva de la lectura o el visionado cuya diferencia es ontológicamente distinta, además de que asume que la versión construida con las imágenes que produjeron su mente mientras leía no se parece para nada a las producidas por el discurso audiovisual. Nosotros afirmamos que tanto las obras literarias clásicas como otras que no alcanzan grandes valores estéticos y artísticos han provisto de argumentos al cine para rodar obras cinematográficas cuyo valor no mantiene una relación directamente proporcional ni depende del valor de la obra que recrea.

Una de las vertientes dentro del ejercicio comparativo entre cine y literatura que lleva a cabo el espectador por lo general gira en torno a la fidelidad del relato cinematográfico respecto de la obra literaria. Es importante destacar que la cuestión de la fidelidad es relativa, puesto que “la fidelidad o el adulterio de un texto convertido en película, [...] no son más que dimensiones morales, nunca ligadas a las especificidades y las problemáticas del tema” [13, p. 22]. Entonces, lo que realmente tendría valor analítico es concentrarnos en los motivos de los cambios y lo que persiste en el relato cinematográfico, y con ello, los efectos que esto produce al relato; ello es muestra de la selección que realiza el relato cinematográfico y pone en marcha los mecanismos para la transposición. Así es como identificamos supresiones, compresiones, traslaciones, transformaciones en personajes y en historias, sustituciones, añadidos, desarrollos y visualizaciones [10, p. 140]. La fidelidad también puede determinar qué tipo de transposición se está llevando a cabo.

Algunos autores defienden la autonomía del relato cinematográfico al punto de considerarlo original, como lo comentó Jean-Luc Godard –al referirse a su obra *El desprecio* (1963), basada en la novela homónima (1954) de Alberto Moravia–, “Lo filmado es automáticamente distinto de lo que está escrito, y por tanto es original” [12, p. 17]. Sánchez Noriega agrega al respecto que “hay que defender la autonomía artística del cine y el derecho a las adaptaciones; una película ha de ser juzgada en sí misma, con arreglo a los criterios analíticos y estéticos propios del cine, y olvidarse por completo de la obra de referencia” [10, p. 68]. Sin embargo, no se puede negar que, aunque sea de una manera muy diluida, la obra literaria permanece en la esencia de la película y ello es lo que desencadena en la memoria el recuerdo de la obra en sí. Es necesario reconocer que “la novela y el cine son dos medios distintos que actualizan la misma historia utilizando procedimientos de narración diferentes, y que el problema al que se enfrenta toda adaptación es el encontrar soluciones para aquellos procedimientos o aspectos propios de la narración literaria y que son difíciles de transferir al cine” [9, p. 87].

A esta idea de fidelidad y originalidad se suma que transponer es “en cierto modo, traducir. Transferir. Recrear un original en otra lengua, que dará siempre como resultado una copia” [12, p. 84]. Sin embargo, “el problema que suscita la idea de que transponer equivale a traducir es que una traducción implica creer que siempre hay equivalencias entre los lenguajes, que se trata de encontrar las palabras que tienen su análogo, que quiere decir lo mismo sólo que en otro idioma u otra lengua” [13, p. 30]. Y ciertamente, el “idioma” de la literatura no es en ningún sentido intercambiable o equivalente al menos con el “idioma” cinematográfico.

Sea cual fuere la forma de percibir el fenómeno de la transposición, los guionistas y directores estarán de acuerdo en que “el desafío que plantea la adaptación consiste en esa transformación, tan necesaria como difícil de definir, entre la obra escrita y la obra cinematográfica” [12, p. 5].

Cabe destacar que existen diversos tipos de transposiciones y que distintos autores como Andrew (2004), Bazán (2006), Wagner (1975) han propuesto categorías para su clasificación. Geoffrey Wagner (1975), por ejemplo, reconoce la transposición o adaptación fiel del original, el comentario (obra que introduce algunas variantes) y la analogía que representa un máximo desvío derivado de la intención de hacer una obra artística diferente [8, p. 208]. Dudley Andrew (1984) por su parte, propone el préstamo (la fuente es reconocible a pesar de las transformaciones), la

intersección o reflexión creativa sobre el texto literario, y la fidelidad de transformación que consiste en la lealtad al esquema narrativo del texto de partida, aunque se establezcan cambios de tono, el ritmo, la instancia narradora, etc. En equivalencia con el modelo de Wagner diríamos que los tipos de transposición que propine Andrew están dispuestos de manera inversa, es decir, de menor a mayor cercanía y fidelidad con el texto fuente [1, pp. 30-34]. Finalmente, André Bazin (2006), quien habla de adaptación libre (el original es una fuente de inspiración, pero el conflicto se resuelve de modo diferente), la adaptación en la que va más allá que la idea de traducir (fiel o inteligentemente) y de inspirarse libremente para lograr que la película supere a la obra, y la tercera forma busca construir sobre la novela, por medio del cine, una obra trascendente. “No sólo un filme comparable a la novela o digno de ella, sino un ser estético nuevo que es como una novela multiplicada por el cine” [12, p. 70–71].

Por otro lado, como lo señala McFarlane [en 1], en términos comerciales, la idea de que la transposición de una obra literaria obedece al “atractivo de un título ya vendido y la expectación de que la respetabilidad o popularidad conseguida en un medio pueda contagiar la obra creada en otro” [9, p. 84] se acepta sin mayor complicación. Este autor afirma que la audiencia contribuye a que se continúe con la práctica de la transposición, aunque en muchas ocasiones los espectadores se quejan de violación al original continúan queriendo ver cómo se ve el libro [9, p. 84].

Otra idea respecto a la forma de llevar a cabo las transposiciones responde a la idea no comprobada de que existen obras literarias con mayores “afinidades” respecto al cine [7, p. 27]. Decimos que no está comprobada porque no hay un sistema que explique de manera suficiente cómo se determinan dichas afinidades. Probablemente se refiera al tipo de relatos literarios en los que predomina el discurso directo, o los que presentan mayores indicaciones espaciotemporales; sin embargo, y como podemos apreciar, cada lector puede proponer un sistema propio de afinidades, y es precisamente esta flexibilidad que ha traído al cine retos y de la misma manera, nuevas propuestas para representar las historias (como los recursos para referir los pensamientos de un personaje, sin que los enuncie, a través de la voz *off*, o la representación de recuerdos o sucesos pasados mediante imágenes con tonos sepia).

Los recursos a los que nos hemos referido en el párrafo anterior nos llevan a reflexionar acerca de la tecnología y cómo el desarrollo de esta incide en la producción cinematográfica. En los primeros tiempos las cámaras para filmar eran muy pesadas y difíciles de manejar, ello explica que las primeras películas fueran unipuntuales, es decir que solamente representaban un tiempo y espacio determinado [3]. Con los avances tecnológicos, en la actualidad es posible filmar una película incluso con un teléfono celular.

Además, el cine que originalmente era proyectado en una sala oscura, con un sonido potente, sin embargo y gracias a la tecnología ha salido de las salas para distribuirse en copias de los relatos cinematográficos en formato Betamax (a principios de 1975) que después fueron producidas en formato VHS (1976) y posteriormente los DVD (1996) y Blu-ray (2006) que nos permite ver las películas en cualquier lugar y a cualquier hora. No se diga de todas las plataformas digitales que permiten ver películas completas según la demanda del espectador, como YouTube, Vimeo, MiradeTodo, Cuevana, entre otras. Más adelante volveremos sobre este tema.

Por otra parte, Rosa Gronda (2004) afirma que si hay un elemento a destacar cuando reflexionamos sobre la manera en que la literatura –novelas– se relaciona con el cine, es el tiempo, debido a que juega en contra de la obra literaria y a favor del relato cinematográfico [4]. Con esto se refiere al tiempo que el receptor deberá invertir para leer una novela o para ver una película. Este factor, nos parece, puede ser determinante para el tema principal de nuestro trabajo, porque sin duda influye en la selección que hacen los espectadores para acudir a la manifestación literaria o a la cinematográfica.

En torno a este aspecto habrá que mencionar que existen lectores ávidos cuya capacidad lectora es incomparable, pueden leer rápidamente, mientras que para otros puede pasar mucho tiempo antes de que logren concluir la lectura de una novela. Así mismo ocurre con el cine, deben existir cinéfilos capaces de permanecer largas horas ante la pantalla sin que por ello mengue su

habilidad de recepción. Es claro que estas cuestiones tendrían que ser abordadas desde la disciplina de la estética de la recepción.

Respecto al tiempo que se invierte viendo o leyendo una obra, encontramos otras opiniones. Una de ellas es que las películas hechas a partir de un texto literario pueden considerarse como “las versiones para *tontos* de las novelas fuente, diseñadas para gratificar a un público [...] que prefiere el algodón de azúcar del entretenimiento a las delicias culinarias de la literatura” [11, p. 23]. Y nuevamente aparece con esta idea la tendencia a la jerarquización que tanto ha dañado al estudio comparativo de la novela y el cine.

Por otro lado, las obras artísticas y literarias son documentos privilegiados del imaginario colectivo que se circunscriben en la historia cultural, dichas obras participan en la configuración del conjunto de la superestructura de toda sociedad. El imaginario puede ser el centro de atención hacia el que convergen diversas disciplinas en cuanto al estudio de las representaciones imaginarias – imágenes, símbolos y realidades inventadas– que desplazan el interés anterior por otras funciones mentales y dan lugar a una nueva subdivisión temática en la forma en que se dispersa la forma en cómo almacenamos información, aspecto éste que permite ordenar nuestra noción de la realidad.

En este sentido, el inconsciente transindividual coloca al lenguaje como eje de la psique humana y permite realizar el análisis de sujetos históricos y comprender su mente, su imaginario, sus símbolos, su organización social, las tradiciones orales, sus representaciones litúrgicas, etc., entendiendo no el mundo del lenguaje en sí, sino que, trata de mostrar de qué manera los hombres organizan la realidad en su mente y cómo la expresan en su comportamiento.

De igual forma, para acercarse realmente a la mentalidad humana hay que estudiar los fenómenos que resulten comunes a la humanidad de ahora y a la del pasado, y lo que de inconsciente contienen. Los espacios de lo imaginario –como por ejemplo las representaciones culturales–, constituyen un nivel que conduce al inconsciente colectivo en los que deben visualizarse primero los ámbitos materialistas de la realidad concreta y luego el de las representaciones culturales o de lo imaginario para acceder hasta la mentalidad. Pero la literatura, el cine y el arte en general, conciben formas y temas venidos de un pasado que no es forzosamente el de la conciencia colectiva. Es importante no separar el análisis del estudio de sus lugares y medios de producción.

La posibilidad de diversas orientaciones epistemológicas, concebidas en el campo de los estudios literarios ha generado cierto interés por explorar temas relacionados con otras formas de acercarse a la literatura; esta perspectiva, necesariamente, significa establecer los alcances y los hemisferios de acción, así como los límites metodológicos. Así, en los textos literarios es posible leer dimensiones de una cultura, proximidades de un período histórico, representaciones en donde los actores sociales existieron su presente en correspondencia con la moral, la organización política, las relaciones de poder, de trabajo, en las ideas de trascendencia y transgresiones de los códigos, etc. Estas dimensiones de la cultura son llevadas al cine cuando la obra literaria es transpuesta o son modificadas cuando se pone en marcha el mecanismo de la transposición. En este contexto, la literatura y el cine no deben ser tratados sólo como una representación de palabras de una realidad exterior, sino como arquitectura propia de esa realidad que la trastoca en un sentido no arbitrario, a pesar de las determinaciones colectivas que la circunscriben.

Una gran preocupación del ser humano en el devenir de sus actos culturales ha sido el poder de comunicar. Pensar, simplemente, que en la comunicación lingüística por medio de la palabra escrita se persiga la “belleza” por sí misma como oposición a la “fealdad” haría de esta afirmación una postura con valores muy pretensiosos. El acto de comunicación, per se, radica en la más lograda manifestación de los conceptos, sentimientos y vivencias que necesitan ser transmitidos de manera que logren captarse adecuadamente.

La motivación, que se deriva de la labor de quienes han estudiado el funcionamiento lingüístico de los códigos que configuran una realidad determinada, se esboza cuando se realiza una reflexión más profunda de las leyes internas que modelan la estructura de los sistemas lingüísticos, hasta ahora estudiados, para transitar hacia el usufructo de ese mismo sistema materializado en el

texto. Por ello, los significados y las interacciones, que en los actos de comunicación se derivan de un proceso de negociación de significados, están sujetos a pautas de acción que van más allá de la mera intención de quien los *produce* o de quien los *negocia*, ya que estos se enmarcan en un ámbito de mayor extensión.

Cuando una sociedad se recrea en algún aspecto de su realidad, lo primero que lo evidencia es el lenguaje. La crítica de la sociedad, en consecuencia, comienza con la gramática que establece los significados dentro de un universo diseñado para buscar y restituir el sentido que articula precisamente la praxis de esa realidad.

Un ámbito imprescindible en la elaboración de sentido en el texto de cualquier naturaleza (sea literario, cinematográfico para los fines de nuestra reflexión) es la llamada dimensión simbólica del lenguaje. De esta manera, los símbolos, como unidades significativas, poseen el carácter que posibilita la migración significativa de una época y de un contexto a otro, permitiendo una estabilidad más o menos uniforme a lo largo de la historia de una cultura y que al mismo tiempo permite la diversidad en la posibilidad de contextos semióticos. Desde este referente, la vida del ser humano se encuentra inmersa en el universo de los símbolos que nos permite reconocer ciertos valores simbólicos en el espacio de los discursos que articulan la praxis cultural. En términos de la transposición cinematográfica, estos valores simbólicos son determinantes para la selección de obras que han de ser recreadas de manera audiovisual y que mantienen el sistema complejo de la conciencia colectiva. Sin embargo, y retomando el papel de la tecnología en el tema que nos ocupa, la forma en que se construye la memoria colectiva del arte ha sido modificada.

Los valores estéticos de las obras, tanto literarias como cinematográficas ya no son la piedra angular que determina cuáles objetos deben considerarse como manifestaciones artísticas clásicas. Las vanguardias artísticas tampoco muestran una tendencia que sustente los esquemas estéticos bajo los cuales el público debe clasificar a las obras producidas. Aunado a ello, el acceso a la información es tal que no necesitamos recordar casi nada, entre otras cosas, las obras de arte simplemente están ahí al alcance con solo ingresar algunos conceptos en un buscador digital. En este caso, la pugna entre cine y literatura que se deriva necesariamente del fenómeno de la adaptación cinematográfica se agudiza porque el espectador está sobre estimulado con tanta información. Si antes prefería ver la película que leer la obra literaria por cuestiones de tiempo, ahora son tantas (y cada día se produce un sinfín de escritos y películas que hacen imposible conocerlas todas) que accede a fragmentos en el mejor de los casos.

Todo lo anterior podría hacernos pensar que el cine está ganando terreno frente a la literatura y que, ante la competencia de su auditorio, cada vez más se verán películas y se irán abandonando los libros en las estanterías. Pero no se omita que el cine a su vez y con la tecnología como testigo puede ser suplantado por otras experiencias artísticas de nueva creación a las que en estos tiempos todavía no nos entregamos totalmente.

La inmediatez es un factor también importante en estas reflexiones. El ritmo de vida en general ha provocado que el ser humano aprecie mejor lo que puede obtener sin mucho esfuerzo y en el menor tiempo posible, sin detenerse mucho a pensar en las cualidades de lo que consigue. Las nuevas generaciones están ante este reto en el que la apreciación artística se diluye entre páginas y páginas de información digital. La reflexión acerca de lo que prevalece en la obra cinematográfica y la obra literaria nos lleva, en estas condiciones, a pensar más bien en ¿qué es lo que prevalecerá? En unos años, ¿qué vamos a recordar? Quizá ni siquiera se haga referencia al soporte a través del cual el receptor conoció la historia, es decir, probablemente no sea necesario hablar de cine o de literatura, sino de historias.

Probablemente, las reflexiones presentadas en este trabajo obedecen a un sentimiento nostálgico que como analistas de la producción literaria y cinematográfica nos lleva a las épocas en donde el arte era considerado como un eje rector de todo grupo social que se respetaba. De cualquier manera, a nosotros nos resta continuar disfrutando de estas artes y cómo, de la relación que entre ellas existe, aún guardamos en la memoria tanto obras literarias muy valiosas como películas entrañables.

REFERENCIAS

1. Andrew, D. (1984). *Concepts in Film Theory*. Oxford: Oxford University Press.
2. Bazin, A. (1990). *¿Qué es el cine?* Madrid: Rialp.
3. Gaudreault, A. y Jost, J. (1995). *El relato cinematográfico*. Barcelona: Paidós Comunicación.
4. Gronda, R. (2003). "Gerente en dos ciudades: de la novela a la película." En diario *El Litoral*, consultado 31 de octubre de 2021: <https://www.ellitoral.com/index.php/diarios/2003/09/16/opinion/OPIN-02.html>
5. Gubern, R. (2014). *Historia del cine*. Barcelona: Anagrama.
6. Labarrère, A.Z. (2009). *Atlas del cine*. Madrid: Akal.
7. Peña Ardid, C. (1999). *Literatura y Cine. Una aproximación comparativa*. Madrid: Cátedra.
8. Pérez Bowie, J.A. (2004). "La adaptación cinematográfica a la luz de algunas aportaciones teóricas recientes." En *Signa: revista de la Asociación Española de Semiótica*. Núm. 13, pp. 277-300.
9. Rodríguez Marín, M.E. (2005). "Teorías sobre adaptación cinematográfica." En *El Cuento en red: Estudios sobre la Ficción Breve*, núm. 12, pp. 83-91.
10. Sánchez Noriega, J.L. (2000). *De la literatura al cine*. Barcelona: Paidós.
11. Stam, R. (2006). *Nuevos conceptos de la teoría del cine. Estructuralismo, semiótica, narratología, psicoanálisis, intertextualidad*. Barcelona: Paidós.
12. Subouraud, F. (2010). *La adaptación. El cine necesita historias. Cahiers du Cinéma*. Barcelona: Paidós.
13. Wolf, S. (2001). *Cine / Literatura. Ritos de pasaje*. Buenos Aires: Paidós.

Материал поступил в редакцию 01.11.21

СВЕРХСТИМУЛЯЦИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР В ВЫБОРЕ ВОСПОМИНАНИЯ: ЧТО ЖЕ ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ?

Ф.Л. Мендоса Руис¹, У.И. Лопец Коронель², В. Перес³

¹ Доктор Наук о Языке, преподаватель, Факультет Коммуникаций,
Заслуженный Автономный Университет Штата Пуэблы,

² Магистр Мексиканской Литературы, преподаватель, Факультет Коммуникаций,
Заслуженный Автономный Университет Штата Пуэблы,

³ Доктор Наук о Языке, исследователь, Институт Социальных и Гуманитарных Наук,
Заслуженный Автономный Университет Штата Пуэбла, Мексика

Аннотация. В данной статье представлены некоторые рассуждения по поводу связи между литературой и кино с целью выявить какая из этих двух форм искусства станет частью индивидуальной памяти зрителя, а со временем и частью коллективной памяти группы, к которой он принадлежит.

Ключевые слова: литература, новела, кино, память, воспоминание.

УДК 80

ДОСТИЖЕНИЯ УЗБЕКСКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ
ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА НА ОСНОВЕ НАУЧНЫХ
РЕЗУЛЬТАТОВ В МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКЕР.Р. Бобокалонов¹, П.А. Курбанов², К.Ш. Маркаев³, Ч. Хаитов⁴¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков,² доктор философии (PhD), заведующий кафедрой английского языка и литературы,³ кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
немецкого языка и литературы, ⁴ преподаватель¹ Бухарский государственный университет,²⁻⁴ Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения лингвистических текстов в Узбекистане, развитие и пути решения проводимой исследовательской работы. Статья направлена на формирование знаний, навыков и компетенций исследователей и магистров, проводящих исследования.

Ключевые слова: языкознание, общение, возможность общения, коммуникация, семантико-коммуникативное предложение, передача информации, синтаксический уровень, литература, логика, социология, эстетика.

I. Введение

Лингвистические проблемы теории текста и процедуры его построения не оставили равнодушной мировую лингвистику. Лингвисты в этой области много лет изучают вопросы, связанные с текстами, во взаимосвязанном теоретическом контексте. Важно отметить, что десятки исследователей проделали выдающуюся хорошую работу по изучению лингвистики текста и достигли огромных успехов во взаимной доброй воле. Текст – основа общения. В широком смысле текст делится на два: письменные тексты (их много видов) и устная форма передачи текста.

На протяжении тысячелетий люди учились, преподавали, собирали, накапливали и передавали свой опыт. Конечно, все эти действия без исключения осуществляются посредством языкового общения (устного и письменного) как обучения, так и преподавания, а также сбора и хранения экспериментальной информации и передачи информации от других. Ведь то, что основная задача, связанная с сущностью языка, – это задача общения, хорошо известно не только специалистам.

II. Научный обзор

Лингвистика в процессе общения, естественно, сосредоточена на лингвистическом выражении и понимании информации, которая является основным предметом «компромисса» между двумя сторонами (говорящим, слушателем). В конце концов, конечной целью любого общения является «движение» этой информацией, и это «движение» осуществляется посредством языка. Вот почему лингвистика искала базовую и большую

единицу той же «движущейся информации», и в результате предложение уже давно признано единицей речи.

Мы знаем, что лингвистика делит объект исследования на отдельные разделы, то есть изучаются фонетико-фонологические звуки (фонемы), морфемы морфологии, лексемы лексикологии и синтаксис простых и сложных предложений. Можно сказать, что в традиционной лингвистике высшей и последней единицей на высшем уровне языка считается речь. По словам польского лингвиста М.Р. Майеновой, вердикт о том, что «лингвистика заканчивает свои наблюдения там, где она останавливается», до недавнего времени оставался открытой истиной. Тексты, содержащие много предложений, полностью и безоговорочно ограничиваются грамматикой в самом широком смысле и исключаются из наблюдений в этой области науки [3, с. 444-445].

В самом деле, если «лингвистика заканчивает свои наблюдения в конце предложения», то есть рассматривает только одно предложение как коммуникативную единицу, то такая лингвистика испытывает трудности со свободным проникновением в суть семантико-коммуникативного предложения. В своей статье 1947 года А.И. Белич утверждал, что в грамматическом описании языковых фактов особое место должно быть уделено всей цепочке предложений, связанных на основе здравого смысла и проявляющихся в виде определенной синтаксической-семантической целостности. Он подчеркнул решающую роль текста в синтаксисе лингвистики [4, с. 22].

Вопрос о более крупных единицах речи, то есть о «сотрудничестве слов», также поднимался в немецкой лингвистике в те годы, особенно в 1949 году. В его работе наиболее важными средствами структурирования связей между предложениями являются лексическое повторение, артикль, рифма, эллипс, глагольные времена, повторяющиеся союзы, вопросительные слова [21, с. 5-6].

III. Анализ

Различные точки зрения языкознания. Со второй половины 1960-х годов область «лингвистики текста» вступила в период бурного развития. Текст в целом, целостность речи и ее деструктивные элементы, факторы, характеристики стали изучаться с разных точек зрения. В странах Западной Европы издаются периодические издания и научные сборники по лингвистике текстов, создаются специальные научные группы, издаются монографии, учебники [24, с. 5-39].

В научных исследованиях и развитии теории текста Чешская школа лингвистики повлияла на положительные результаты немецкого, французского, английского, американского, голландского, польского и других языков. Проблемы теории текста и лингвистики в русском языкознании также обсуждаются многими лингвистами, такими как Одинцов В.В., Гальперин И.Р., Москальская О.И., Лосева Л.М., Лотман Ю.М., Тураева З.Ю., Зарубина Н.Д., Сидоров Е.В., Каменская О.Л., Валгина Н.С. и др. [13-17, 24-26, 31].

Москальская О.И., проводившая комплексный анализ исследований в этой области языкознания, отметила, что в 60-70-е годы прошлого века интерес к лингвистическому изучению текста возрос в геометрической прогрессии, отметив, что языкознание полностью признано, как независимая лингвистическая дисциплина, она суммирует основные правила, лежащие в основе этого признания в исследованиях следующих групп:

1. Основная единица речи, выражающая целостную идею, – это текст, а не речь; речь – это лишь частный случай, особый вид текста. Текст – это высшая единица синтаксического уровня.

2. Конкретные устные произведения – тексты основаны на общих принципах текстового сочинения; эти принципы применимы к языковой системе или лингвистической компетенции, а не к области речи. Принимая во внимание эти аспекты, текст следует рассматривать не только как единицу дискурса, но и как единицу языка.

3. Как и другие языковые единицы, текст является частью системы языковых знаков.

4. Углубленное изучение текста как единицы речи и языкознания отдельного уровня

требует создания специальной науки в области языкознания – лингвистики текстов.

Таким образом формируется и развивается лингвистика текста. Однако есть критика русской лингвистики, например, тот факт, что текстовая лингвистика охватывает слишком много проблем в своей области исследования, вмешивается в проблемы других дисциплин и якобы отрицает концепцию дискурса. Соответствовать требованиям научно-технического прогресса, информационного века это не только небольшие единицы в языке, но и большие единицы в лингвистике, изучающие формы и способы добавления предложений в потоке текста. Все это замечательно и требует поддержки. Другое дело, что есть принципиальное возражение против попыток провести различие от (так называемой) традиционной лингвистики во всех отношениях. ...» [7, с. 78-80].

IV. Обсуждение

Вопрос о тексте в тюркологии впервые был поднят в начале 70-х годов прошлого века известным татарским лингвистом М. Закиевым. Первоначально он утверждал, что связанная речь не может быть изучена без изучения взаимосвязи между независимыми предложениями, потому что связанная речь всегда состоит из цепочки предложений, связанных между собой различными способами, и поэтому связанная речь подчеркивает и записывает разделение единиц в речи, сложные предложения, называются «сложная синтаксическая целостность»: «Отдельный комплекс синтаксической целостности в родственном дискурсе подразумевает чисто методологические задачи; он не может быть основной единицей дискурса, и ему нельзя противоречить. В своем учебнике, опубликованном в 1974 году, он назвал сложные синтаксические целые числа «синтаксическими целыми числами» и написал: undefined. Однако этот вопрос очень важен не только для языкознания, но и для литературоведения. Очень трудно объединить текст, произведение, его части в единое целое, не зная, как связаны отдельные предложения» [12, с. 237].

Профессор К.М. Абдуллаев впервые выделил в тюркских языках два вида синтаксического параллелизма: синтаксический параллелизм в одном предложении и синтаксический параллелизм в нескольких связанных между собой предложениях, т.е. в тексте. Книга включает специальный раздел под названием «Синтаксис текста», в котором рассматриваются такие вопросы, как типы текста, семантическая, коммуникативная, структурная и грамматическая целостность текста, состав текста, синтаксис текста и лингвистические категории [1, с. 33-43].

А. Гулямов указывает, что полнота идеи в предложении относительна, что полнота содержания отрывка понимается из всего текста, приводя пример целого текста, состоящего из трех абзацев, пишет: «1. Выражение не ограничивается предложениями (отдельными предложениями и сложными предложениями). Полная идея обычно дается синтаксическим целым, нечто большим, чем предложение. Дело в том, что это компонент целого предложения. 2. Этот компонент связан с другими компонентами того же целого различными способами (содержание, грамматика). Его композиционные и стилистические характеристики будут сохранены. 3. Одно предложение целиком при определенных условиях может разбивать один абзац. 4. Такой синтаксический набор, синтаксическая конструкция – это текст. Некоторые – короткие предложения представляют собой относительно законченное представление, текст выражает содержание целого комплекса. 5. Поскольку текст представляет собой единое целое, он может иметь заголовки, соответствующие его содержанию. Текст разбит на сегменты (части, абзацы, предложения) [33, с. 6-7].

Этот метод изучения текста систематически изложен в пособии Б. Юлдашева «Лингвистические методы изучения текста», в этой книге включены методы, виды, частотный словарь для изучения текстов различных функциональных стилей на основе статистическим методам [36].

Изучение текста с психолингвистической точки зрения. В лингвистике изучение текста с психолингвистической точки зрения также имеет свою историю. Особого внимания заслуживают исследования лингвистов И. Лысаковой, А.А. Леонтьева, Т.А. Дроздовой и др.

[11, 16, 17, 32].

V. Заключение

В данной работе изучаются центральные вопросы недавних научных исследований узбекских лингвистов:

1. Текст – это не просто языковая единица, а пример человеческой мысли и языка, – это специальное мышление науки. До сих пор, изучаемые тексты, и ограничения по тексту, которые разработаны на основе риторики и грамматики, и существуют с древних времен, не удовлетворяют всякое значение текста.

2. С давних времен литературные или священные тексты изучаются в авторитетных источниках в рамках специальной науки и выясняются проблемные вопросы. С другой стороны, современная лингвистика изучает текстовые проблемы на основе нетекстовых наглядных пособий и переводит данные в описания.

3. Анализ текста – понятие бесконечное и широкое. Количество слов – это потенциальная основа для описания текста. Содержание текста зависит от человеческих знаний и мышления.

4. Текстологист должен отличать в современном текстовом исследовании, в работе с текстами и их переработке каждый текстовый объект от другого объекта или любое текстовое свойство от другого текстового свойства.

5. Эпистемологические интересы исследования текста каждый раз становятся все более важными для текстов и общества. Таким образом, проекты, решающие текстовые проблемы, способствуют развитию лингвистики текста.

6. Текстология не может быть единственной основой науки о тексте, а текст обеспечивает основу для понимания сложного явления, такого как речь. Кроме того, текстовая лингвистика является междисциплинарной.

Таким образом, на основе научных результатов в мировой лингвистике узбекские ученые также добились новых достижений в области лингвистики текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, К.М. Синтаксический параллелизм (на материале огузского памятника «Книга моего деда Коркута»): дисс. ... канд. филол. наук /К.М. Абдуллаев. – М.: 1976. – 176 с. Абдуллаев К.М. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка: Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук /К.М.Абдуллаев. – Баку, 1984. – С. 33–43.
2. Азимова, И. Ўзбек тилидаги газета матнлари мазмуний перцепциясинингпсихолингвистик тадқиқи. Филол. фан. номз...дис. / И. Азимова. – Тошкент, 2008.
3. Барт, Р. Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста /Р. Барт. – М.: Прогресс, 1978. – С. 444–445.
4. Белич, А.И. К вопросу о распределении грамматического материала по главным грамматическим дисциплинам / А.И. Белич // Вестник МГУ. – 1947. –№ 7. – С. 22.
5. Бобокалонов, Р.Р. Ўзбек тилида семантик-функционал шаклланган сўз-гаплар талқини /Р.Р.Бобокалонов. –Тошкент: “Фан”, 2006. – 3. – 126 б.
6. Боймирзаева, С. Ўзбек тилида матннинг коммуникатив-прагматикмазмунини шакллантирувчи категориялар. Филол.фан. докт...дис. / С. Боймирзаева. – Тошкент, 2010.
7. Будагов, Р.А. Филология и культура /Р.А.Будагов. – М.: МГУ, 1980. – С. 78–80.
8. Валгина, Н.С. Теория текста /Н.С.Валгина. –М.: Логос, 2004 вабошқ.
9. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М: КомКнига, 2006. – 144 с.
10. Горшков, А.И. Русская стилистика /А.И.Горшков. – М.: Астрель –АСТ, 2001. – С. 53–258.
11. Дроздова, Т.А. Психологические особенности понимания текста как процесса. Психологические механизмы порождения и восприятия текста. Сборник научных трудов МГИИЯ. Вып. 23 / Т.А.Дроздова. – М., 1985. – С. 106–120.
12. Зәкиев, М.З.Хәзерге татар әдәби теле (Синтаксис). -Казан, 1974, 257-бит. Современный татарский язык /М.З.Зәкиев. – М.: Наука, 1971. – С. 237.
13. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты /Н.Д.Зарубина. – М.: Русский язык, 1981.

14. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация /О.Л.Каменская. – М.: Высшая школа, 1990.
15. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. –М.: Искусство, 1970; Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. I, II / Ю.М.Лотман. – М., 1974.
16. Лосева, Л.М. Как строится текст /Л.М.Лосева. –М.: Просвещение, 1980.
17. Лысакова, И.П. Язык газеты:социопсихолингвистическийаспект /И.П.Лысакова. – Л., 1981.
18. Леонтьев,А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания /А.А.Леонтьев. – М., 1969.
19. Мамажонов, А. Текст лингвистикаси /А.Мамажонов. –Тошкент, 1989.
20. Мамажонов, А. Матн синтаксиси /А.Мамажонов,М. Абдупаттоев. – Фарғона, 2002.
21. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И.Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 5-6.
22. Мухамедова, Д. Микроматн кўринишида кесимларнинг тенг алоқага киришуви / Д. Мухамедова // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2004. –№ 6. – Б. 90–91.
23. Мухамедова, Д. Матн ва унинг турлари. Истиклол ва тил. 3-қисм. / Д. Мухамедова. – Тошкент, 2007. – Б. 17–19.
24. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / Т.М.Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5–39.
25. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В.Одинцов. – М.: Наука, 1980.
26. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности /Е.В.Сидоров. –М.: Наука, 1987.
27. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я.Тураева. –М.: Просвещение, 1986.
28. Турниёзов, Н. Матн лингвистикаси (маърузалар матни) /Н.Турниёзов. – Самарқанд, 2004.
29. Турниязова, Ш. Ҳозиргиўзбек тилидаматн шаклланишинингдеривацион хусусиятлари. Филол.фан. номз...дис. / Ш. Турниязова. – Тошкент, 2010.
30. Тўхсанов, М. Микроматн ва унинг коммуникатив яхлитлиги / М. Тўхсанов // Ўзбек тили ва адабиёти. – 1990. – № 5. – Б. 66-69.
31. Шаҳобиддинова, Ш. Матн ва уни боғловчи воситалардан бири / Ш. Шаҳобиддинова, З. Исоқов // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2004. –№6. – Б. 75–76.
32. Штерн, А.С. Перцептивный аспекттекста /А.С.Штерн. – Л., 1990.
33. Фуломов, А. Ҳозиргиўзбекадабий тили. Синтаксис / А. Фуломов, М. Аскарлова. – Тошкент: Ўқитувчи, 1987. – 6-7-б.
34. Ҳақимов, М. Ўзбек илмий матнининг синтагматик ва прагматик хусусиятлари: Филол. фан. н-ди ...дисс. / М. Ҳақимов. – Тошкент, 1993.
35. Юлдашев, М. Бадиий матннинг лингвопоэтик тадқиқи. Филол.фан. докт...дис. / М. Юлдашев. – Тошкент, 2009.
36. Юлдашев, Б. Матнни ўрганишининг лингвостатистикметодлари (услубий кўлланма) / Б. Юлдашев. – Самарқанд, 2008.

Материал поступил в редакцию 18.09.21

ACHIEVEMENTS OF UZBEK SCIENTISTS IN THE FIELD OF TEXT LINGUISTICS BASED ON SCIENTIFIC RESULTS IN WORLD LINGUISTICS

R.R. Bobokalonov¹, P.A. Kurbanov², K.Sh. Markaev³, Ch. Khantov⁴

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of German and French Languages, ² PhD, Head of the Department of English Language and Literature, ³ Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of German Language and Literature, ⁴ Lecturer

¹ Bukhara State University, ²⁻⁴ Karshi State University, Uzbekistan

Abstract. *The article deals with the problems of studying linguistic texts in Uzbekistan, its development and ways of solving the ongoing research work. The article is aimed at the formation of knowledge, skills and competencies of researchers and masters conducting research.*

Keywords: *linguistics, communication, the possibility of communication, communication, semantic and communicative sentence, information transfer, syntactic level, literature, logic, sociology, aesthetics.*

УДК 81

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Джасим Муна А.

Багдадский университет, факультет языков, кафедра русского языка

Аннотация. В этой статье описывается значение и роль словарей в жизни русского общества, указаны основные принципы и направления теории лексикографии. Словари играют в жизни народа важную роль, так как в них отражены достижения лингвистики в различных областях общественных знаний. В словарях отражены истории и культуры народов мира в определенный период исторического развития.

Ключевые слова: лексикография, русский язык, типы словарей.

Предшественниками современных словарей были рукописные, а затем и печатные словари эпохи средневековья. В процессе совершенствования «словариков» малого объема и узкого назначения постепенно складывалась многовековая лексикографическая практика. Первый печатный словарь, появился в 1596 г. как приложение к грамматике известного филолога того времени священника Лаврентия Зизания. В нем содержится 1061 слово, расположенное по алфавиту. Толкование старославянизмов и заимствований из западноевропейских языков дается в нем при посредстве слов живого белорусского, украинского и русского языков того времени (http://nwara.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/slovari/istoriya.html).

Дубичинский В.В. в статье «Основные понятия лексикографии» [2] справедливо указывает, что принцип теоретической и практической многоплановости словарей предполагает множество дифференцирующих оснований, по которым может строиться типологическая характеристика словарных произведений. Главными из таких оснований являются следующие:

- количество описываемых языков;
- охват лексики;
- объём;
- оформление и детализация информации;
- функциональная направленность;
- порядок подачи лексического материала;
- культурная ориентация;
- комплексные словари и учебные словари как вид комплексных словарей, которые

могут быть представлены всеми видами лексикографических произведений как вместе (теоретически), так и в различных комбинациях.

Вершиной лексикографического искусства по праву считается *толковый словарь*.

Тип словаря определяется его задачами и целью, которые отражаются в словнике и словарной статье. Все словари делятся на два основных типа: *энциклопедические и лингвистические (языковые, филологические)*.

В энциклопедических словарях объясняются реалии (предметы, явления), а также сообщаются сведения о различных событиях. Словари энциклопедические делятся на *универсальные*, например, «Краткая российская энциклопедия», и *отраслевые*, например, энциклопедический словарь «Языкознание».

В лингвистических словарях отражается информация о словах, называющих предметы, понятия, явления и пр., то есть толкуются их значения. Лингвистические словари

в свою очередь подразделяются на три типа: 1) двуязычные; 2) многоязычные; 3) одноязычные.

Двуязычные и многоязычные – это переводные словари, которыми пользуются при изучении иностранного языка, в работе с иноязычным текстом. В них значения слов одного языка объясняются через сопоставление со словами другого языка, например: русско-английский, русско-арабский, французско-русский и т. п.

Одноязычные словари объясняют слова посредством слов того же языка. Эти словари бывают *комплексными и аспектными*. Комплексными являются *толковые словари*. В таких словарях приводятся сведения, необходимые для понимания слова, его употребления в речи и т. д. *Аспектные словари* отражают тот или иной аспект языка. К ним относятся словари синонимов, орфографические, антонимов, фразеологические, словари омонимов, иностранных слов, словообразовательные, терминологические и другие типы словарей. В каждом словаре есть предисловие, которое объясняет, каким образом пользоваться этим словарём.

Особо следует остановиться на классификациях словарей лингвистической терминологии. При её рассмотрении Н.В. Васильева уделяет особое внимание не только русским лингвистическим словарям, но и работам зарубежных ученых (Васильева 1990: 461-462). На основании сопоставительного анализа ряда классификаций можно определить следующие типологические оппозиции словарей лингвистических терминов:

1. энциклопедии – словари-справочники (толковые словари – по Васильевой);
2. «академические» – учебные;
3. алфавитные – тематические (тезаурусы);
4. оригинальные (русские) – переводные;
5. словари метаязыка – словари метадиалекта или идиолекта;
6. общие – отраслевые (специализированные – по Васильевой);
7. словари – словники (объяснительные – номенклатурные);
8. цитатные – нецитатные;
9. одноязычные – дву- (много) язычные.

Как известно, информация о терминологии той или иной науки или ее отрасли концентрируется в терминологических словарях. Терминологические словари отличаются от словарей литературного языка ареальным захватом объектов (так как не содержат термины и нетермины других областей знания), преимущественной направленностью на описание понятийного компонента значения, использованием при описании научных знаний. Но их объекты сходны по отношению к знаковой системе.

Поэтому при создании терминологических словарей возникают все основные лексикографические проблемы: 1) отбор лексических единиц; 2) структура словника и словарной статьи; 3) выбор способа толкования значений; 4) подбор и оценка языковых эквивалентов и вариантов.

Теория и практика создания терминологических словарей составляет объект терминологической лексикографии. Как утверждают [3].

К первой группе относятся одноязычные словари, включая сборники рекомендуемых терминов и терминологические ГОСТы, переводные словари, а также частотные словари терминов, рубрикаторы и классификаторы. Объёмы терминологических словарей определяются понятийной системой отрасли знания или производства и целями информационных систем. Многочисленные продукты терминологической лексикографии имеют форму словарей, т.е. включают словник-перечень наименований объектов и при необходимости их определения, а также различные пометы: в частотных словарях – частоты употребления терминов, в классификаторах и рубрикаторах – коды понятий, в машинных словарях – пометы для программистов.

По мнению В.А. Ицковича, словарь должен состоять из двух частей, алфавитной и тематической, причем основной должна быть тематическая часть, где термин не только

включается в систему, но и толкуется. Алфавитный список терминов становится служебной, вспомогательной частью [4]. В этом идеальном варианте СЛТ, он решил проблему, как соединить прагматическое требование удобства пользования словарем с системностью как онтологическим свойством термина.

Лингвистические терминологические словари в основном бывают одноязычные. Однако многоязычные словари уже появились. Например, у Ж. Марузо в приложении даны двуязычные словники: англо-русский, немецко-русский, франко-русский; у О.С. Ахмановой в структуру словарной статьи введены также английский, немецкий, французский и испанский эквиваленты. В русском языкознании терминологическая лексикография добилась больших успехов. За последние годы вышли в свет двуязычные словари лингвистической терминологии: «Немецко-русский и русско-немецкий», «Русско-испанский и испано-русский». Но развитие лингвотерминологического словарного дела побуждает к созданию новых словарей, в частности, обучающих словарей, включающихся в учебный процесс, представляющих метаязык в системном и в коммуникативно-прагматическом аспекте [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джасим, М.А., Принципы создания учебного русско-арабского словаря лингвистических терминов для иракских филологов-русистов (на материале фонетической терминологии), Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2007.
2. Дубичинский, В.В. Основные понятия лексикографии/ В.В. Дубичинский// Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики: Сб.ст. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. – 1996.
3. Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов/ Б.Н.Головин, Р.Ю.Кобрин. – М.: Высш.шк., 1987.
4. Ицкович, В.А. О словаре новой лингвистической терминологии/ В.А.Ицкович// Лингвистическая терминология и прикладная топонимика – М.: Наука, 1964.

Материал поступил в редакцию 01.11.21

MODERN RUSSIAN LEXICOGRAPHY

Dzhasim Muna A.

Baghdad University, Faculty of Languages, Department of Russian Language

Abstract. *This article describes the meaning and role of dictionaries in the life of Russian society, indicates the basic principles and directions of the theory of lexicography. Dictionaries play an important role in the life of the people, as they reflect the achievements of linguistics in various fields of public knowledge. The dictionaries reflect the history and cultures of the peoples of the world during a certain period of historical development.*

Keywords: *lexicography, Russian language, dictionary types.*

УДК 81'22

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ МЕНТАЛИТЕТА

А.С. Куницын, студент

ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет"

Аннотация. В данной статье анализируется фразеология как ключ к пониманию менталитета, а также роль законов лексической сочетаемости в сопоставительных исследованиях, роль языковой метафоры в концептуализации действительности, эмотивная составляющая цветообозначений в языковой картине мира и символика колороморфов в различных культурах.

Ключевые слова: фразеология, сочетаемость, метафора, менталитет, языкознание, цвет.

Роль законов лексической сочетаемости в сопоставительных исследованиях

Сочетаемость – свойство языковых единиц сочетаться в речи при образовании единиц более высокого уровня, отражающее синтагматические отношения между ними. Сочетаемость является одним из фундаментальных свойств единиц языка.

В зависимости от позиции сочетающихся единиц по отношению друг к другу выделяется контактная (при соположении единиц) и дистантная (на расстоянии) сочетаемость, в зависимости от определяющих факторов – обусловленная (определяемая наличием у языковых элементов тех или иных отличительных черт) и произвольная (определяемая лишь принятой нормой). Также различается формальная и семантическая сочетаемость; исследования последней стимулируются интересом к семантической стороне языка, поскольку семантическая синтагматика играет важнейшую роль в образовании смысла высказывания.

Законы и тенденции сочетаемости могут быть как универсальными, так и конкретно-языковыми. Нарушение законов второго типа ведёт к нарушению языковой нормы или изменению свойств сочетающихся единиц (в том числе и в качестве средства художественной выразительности).

Сочетаемость проявляется на различных уровнях. На фонемном уровне обусловленная сочетаемость проявляется в совместности или несовместности дифференциальных признаков звуков. Так, во многих языках глухие согласные не могут сочетаться со звонкими, твёрдые согласные – с гласными переднего ряда. В сочетаниях фонем с несовместимыми признаками они претерпевают комбинаторные (позиционные) изменения, например, оглушение, палатализацию.

В морфологии сочетаемость проявляется в комбинации морфем. С формальной точки зрения она состоит в использовании аффиксальных алломорфов, избирательно сочетающихся с корневыми морфемами (ср. русск. берёт, но горит) и морфонологических явлениях, в частности различных изменениях на морфемном шве.

С семантической точки зрения сочетаемость определяется совместностью значений морфем или значения лексемы со значением морфемы (граммемой); так, лексема, обозначающая считаемый объект, совместима с морфемой множественного числа, в то время как обозначающая несчитаемый объект – несовместима. Присоединение несовместимой морфемы, если оно не нарушает норму, свидетельствует о десемантизации морфемы (русск. чернила), её переосмыслении (в русск. Снега окончание множественного числа показывает не множественность, а интенсивность) или о переосмыслении лексемы (воды).

Сочетаемость слов определяют следующие факторы:

Грамматические – принадлежность слов к тем или иным частям речи (к примеру, для английского языка подчинительное словосочетание двух существительных нехарактерно, но возможно при адъективации зависимого существительного или использовании служебного слова: *my brother's friend, the friend of my brother*);

Лексические – избирательность лексем (русск. Оказать сочетается с услугою, но не с заботу);

Семантические – семантическое согласование (требование, заключающееся в том, чтобы компоненты сочетания не имели противоречащих сем; в случае противоречия либо нарушается языковая норма, либо переосмысливается один из компонентов: *Весь дом говорил об этом*).

Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом множество, совокупность: стадо, табун, стая, рой, косяк и т.п. При необходимости обозначить множество каких-нибудь животных мы не можем сочетать название любого животного с любым из этих слов. Говорят: стадо коров, табун лошадей, стая птиц, рой пчел, косяк рыбы (но не “стая рыбы или рыб”, “стадо пчел”, “рой лошадей” и т.п.). Причину подобного разнообразия можно усмотреть в реальном многообразии обозначаемых предметов, веществ и явлений: так, коровы и птицы, лошади и пчелы, пчелы и рыбы столь различны по самой своей природе, что и удивляться нечего разному “поведению” соответствующих слов в сочетаниях с другими словами. Но и в случае, когда речь идет не о конкретных вещах, а, скажем, об отношениях или действиях (т.е. о лексике отвлеченной, абстрактной), сочетаемость слов лексически обусловлена.

Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Эти свойства формируются веками, в процессе длительного употребления слова. Они отличают один язык от других и составляют главную трудность при овладении языком.

Фразеология как способ понимания менталитета

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с

самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Роль языковой метафоры в концептуализации действительности

Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов [Кунин, 1986: 132-133].

Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия. Метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980]. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или по их связи в пространстве и времени [Арутюнова, 1990:30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Уорфа следует считать родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение.

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют “уорфианские” традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и их последователями начиная с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего, как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план

выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

С одной стороны, набор цветообозначений в языках мира не совпадает, т.е. непрерывный спектр разбивается каждым языком по-своему; с другой стороны, нейрофизиологические основы цветовосприятия универсальны и достаточно хорошо изучены. Жестко универалистский подход к этой проблеме восходит к ставшей уже классической работе Б. Берлина и П. Кея Базовые цветообозначения (Basic Color Terms, 1969), в которой было выделено 11 так называемых базовых цветов и показано, что системы цветообозначений в языках мира подчиняются единой иерархии: если в языке имеется всего два базовых названия цвета, то это черный и белый, если три – то это черный, белый и красный. Далее, по мере увеличения в языке числа слов, обозначающих базовые цвета, к списку добавляются зеленый и желтый, затем последовательно синий, коричневый и, наконец, группа из четырех цветов – фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В настоящее время в оборот исследований по цветообозначению вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и т.д.

Рассмотрим ФЕ, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения. В большинстве своем фразеологизмы английского языка являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие ФЕ связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами.

Blue stocking (презр.) – синий чулок (“собранием синих чулок” был назван адмиралом Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках). Интересно, что сейчас так принято называть женщину, слывущую сухой педанткой, лишенной женственности.

A black sheep – “паршивая овца”, позор семьи (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы There is a black sheep in every flock, что в русском языке звучит как “В семье не без урода”.

a) the thin red line – небольшая группа отважных людей, защищающих местность или принципы, не уступающие своих позиций. Этот фразеологизм был впервые использован в 1877 году В. Расселом. Имелись в виду британские войска в период крымской войны, носившие красную униформу.

Библия является важнейшим литературным источником фразеологических единиц. “О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей” [Смит 1959: 110-111].

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Фразеологизмы библейского происхождения зачастую сильно расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и не изученный вопрос требует особо тщательного рассмотрения и выходит за рамки данной работы.

“По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100” [Кунин 1996: 217]. Такие ФЕ

называются шекспиризмами, и, так как большее их число встречается в произведениях драматурга лишь однажды, форма их четко фиксирована. Пример одного из самых известных ФЕ взят из трагедии “Отелло”: the green-eyed monster (книжн.) – “чудовище с зелеными глазами”, ревность.

Кроме Шекспира многие другие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Среди них Джеффри Чосер, Джон Мильтон, Джонатан Свифт, Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт и другие. Так, следующий фразеологизм впервые встречается в романе В. Скотта “Айвенго”: Catch/take smb red-handed – застать кого-либо на месте преступления, захватить с поличным.

На основе полученной выборки фразеологизмов можно сделать вывод, что в их состав в основном входят термины-цветообозначения более древнего происхождения, то есть наименования для тех цветов, которые составляют группу из 11 базовых оттенков спектра.

Эмотивная составляющая цветообозначений в языковой картине мира

Как мотивирующая основа познавательной деятельности человека, эмоции составляют существенную часть его когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления.

Любое эмоциональное состояние может быть активизировано, т.е. возбуждено, дополнено, подчеркнуто, или компенсировано соответствующими цветовыми сочетаниями. Абсолютное большинство исследований связи цветом и эмоций отличает особенность: “цвет вызывает эмоции”, а не наоборот, поэтому цвета должны храниться в памяти точно в той же форме, как мы их видим. А.М. Эткиндр провел серию исследований цветоэмоциональных значений у взрослых, опираясь на восемь цветов теста М. Люшера и 9 основных эмоций по К. Изарду (1980). В результате исследований Эткиндр установил, что взаимосвязь цвета и эмоций является многоуровневой. Во-первых, цвета и их сочетания являются символами эмоций, их внешним воплощением, опредмеченной формой; во-вторых, эмоциональные состояния человека влияют на ситуативное отношение к цвету (изменения цветовой чувствительности, цветовых предпочтений и т.д.); в-третьих, устойчивые эмоциональные особенности (свойства) субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений. Подобная полифункциональность цвета, с одной стороны, делает его уникальным средством изучения эмоциональной сферы человека, но с другой – лежит в основе неоднозначности в оценках наблюдаемых феноменов, что требует от исследователей особой тщательности при принятии решения относительно того, на каком конкретном уровне он рассматривает и анализирует эти феномены.

Поскольку существуют свои традиции восприятия цвета у разных народов, связанные с историческими, природными, социальными условиями развития того или иного этноса, способы лексического обозначения отдельных элементов цветовой картины мира также зависят от определенных культурных традиций народа, ибо язык есть непосредственное отражение (воспроизведение) действительности, которое включает воображение и мышление; мы можем говорить в данном случае о существовании этнических (национальных) цветовых картин мира и лингвоцветовых картин мира, причиной возникновения которых является конфликт между культурными представлениями разных народов об окружающей их реальности.

Символика колороморфов в различных культурах

Наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета. Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Говоря о символике цвета, следует отметить, что существует мнение, согласно которому, “цвета играют информативную роль в окружающей среде и поэтому стали общими символами для обозначения различных понятий и явлений”. Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: “Своя символика

есть у каждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства”. Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Среди основных источников возникновения цветовой символики исследователь Л.Г. Бедоидзе выделяет следующие: конкретные условия быта и окружающего мира, обычаи и традиции народа, религиозные воззрения данного конкретного языкового сообщества и политические взгляды. Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета. “В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений”. Велика роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира. Как совершенно справедливо утверждает исследователь А.К. Башарина, “цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения.

Особый интерес вызывает попытка польской исследовательницы А. Вежбицкой найти для фокусных цветов “естественные прототипы из окружающей среды”. Она выявила ассоциативную связь между черным и ночью, белым и днем. Очевиден и выбор аналогов для синего и зеленого: это – небо и растительность. Так, во многих языках, в том числе и в русском, для обозначения зеленого цвета служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом. Подобные примеры можно найти и для синего цвета, так, в родном для исследовательницы польском языке слово *niebieski* (светло-синий) происходит от слова *niebo* (небо).

На основе глубокого анализа обозначений цвета в разных языках А. Вежбицкая пришла к заключению, “что цветовые концепты связаны с определенными “универсальными элементами человеческого опыта” и что эти универсальные элементы можно грубо определить как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля” [Вежбицкая 1997: 283].

Выводы

Сочетаемость слов изучается теорией словосочетаний. Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета.

Основополагающим свойством языка является возможность успешно передать нужный смысл, используя слово не в том значении, которое обычно связывается с ним в языке. Чаще всего это делается за счет эксплуатации сходства между тем, что обозначают слова в их стандартных смыслах, и тем, о чем хочет сказать говорящий. Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляевская, Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М., 1987.
2. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика. Язык и интеллект / Дж. Лакофф. – М., 1996.
3. Миронова, Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека. Проблема цвета в психологии / Л.Н. Миронова. – М., 1993. – С. 172–187. – 207 с.
4. Морковкин, В.В. Семантика и сочетаемость слова. Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев: Сб. статей / Под. ред. В.В. Морковкина / В.В. Морковкин. – М., 1984. – С. 148–161.
5. Уорф, Б.Л. Статьи. – Новое в лингвистике, вып. I / Б.Л. Уорф. – М., 1960.
6. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип. Лингвистическая и экстралингвистическая семантика / Р.М. Фрумкина. – М., 1992.
7. Berlin, B & Kay, P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969.
8. Jespersen O. Language, its nature, development and origin. L., 1925.

Материал поступил в редакцию 22.10.21

PHRASEOLOGY AS THE KEY TO UNDERSTANDING THE MENTALITY

A.S. Kunitsin, Student

Russian State University for the Humanities (Moscow), Russia

Abstract. *This article analyzes phraseology as the key to understanding mentality, as well as the role of the laws of lexical compatibility in comparative studies, the role of linguistic metaphor in conceptualizing reality, the emotive component of color designations in the linguistic picture of the world and the symbolism of coloromorphs in various cultures.*

Keywords: *phraseology, compatibility, metaphor, mentality, linguistics, color.*

УДК 81

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ТОПОНИМА «СИБИРЬ» В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Д.И. Никонов, бакалавр 4-го курса ФиПЛ Филологического факультета
научный руководитель: Е.П. Максимова, к.ф.н., доцент кафедры ФиПЛ
Тверской государственной университет, Россия

Аннотация. В статье предложено исследование функционирования лексемы «Сибирь» на материале современных письменных текстов 21 века, представленных в основном корпусе Национального корпуса русского языка, с последующим выявлением коннотативных компонентов значения данного слова. Предметом исследования является изучение коннотаций слова «Сибирь». Материалом исследования послужили контексты употребления данного слова, которые в совокупности создают динамическую картину. Исследование позволяет установить изменения в коннотативной составляющей содержания данной лексемы.

Ключевые слова: Сибирь, НКРЯ, когнитивная лингвистика, концепт-анализ, корпусные исследования.

Существует множество мнений относительно происхождения топонима «Сибирь». В этимологическом словаре М. Фасмера приведено более 7 версий, по которым лексема может восходить к татарскому, монгольскому, якутскому или гуннскому языкам [6]. Неакадемические источники утверждают, что, возможно, он является искаженным тюркским словом «сибэр» или «чибэр», которое в переводе означает «красивый».

На данный момент филологи склоняются к доказательному утверждению о концептуализации данного топонима. Так, А.М. Литовкина считает, что «начало XVII века – период появления и первичного формирования концепта «Сибирь», и основными структурными составляющими лингвокультурного концепта «Сибирь» являются понятийный, образно-метафорический и ценностный компоненты» [3, с. 68]. С.В. Волошина рассмотрела с позиции теории речевых жанров и лингвокультурной концептологии репрезентации концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян и установила большую представленность топонимического, географического, природно-климатического, исторического (административно-политического), этнокультурного, психологического компонентов [2, с. 31]. Эти и другие наблюдения ученых свидетельствуют о наличии выраженных культурных коннотаций концепта.

Культурные коннотации, как известно, представляют интерпретацию «денотативного или образно-мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры» [4, с. 146]. Р.Р. Бавдинев дополняет эту дефиницию, полагая, что культурная коннотация представляет собой «отпечаток исторической, этнической памяти в системе языка, то есть в её самой динамичной и уникальной системе – лексике», она «может отражаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и др. знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [1, с. 178].

Таким образом, актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью исследования концептуально заряженных лексем в лингвокультурологическом аспекте с целью выявления культурного фона, стоящего за единицами языка. Целью исследования

является установление количественных и качественных характеристик вхождения топонима «Сибирь» в основной корпус НКРЯ. Для ее достижения были поставлены задачи: 1. рассмотреть содержание терминов «культурные коннотации» и «концепт»; 2. изучить историю изучения топонима «Сибирь»; 3. провести сплошную выборку контекстов вхождений лексемы «Сибирь» в НКРЯ [5] начиная с 2000 г.; 4. произвести количественный (количественный) анализ вхождений выбранного корпуса; 5. провести его качественный (ценностно-смысловой) анализ.

На рисунке 1 представлен график, на котором как раз отображается число вхождений по годам.

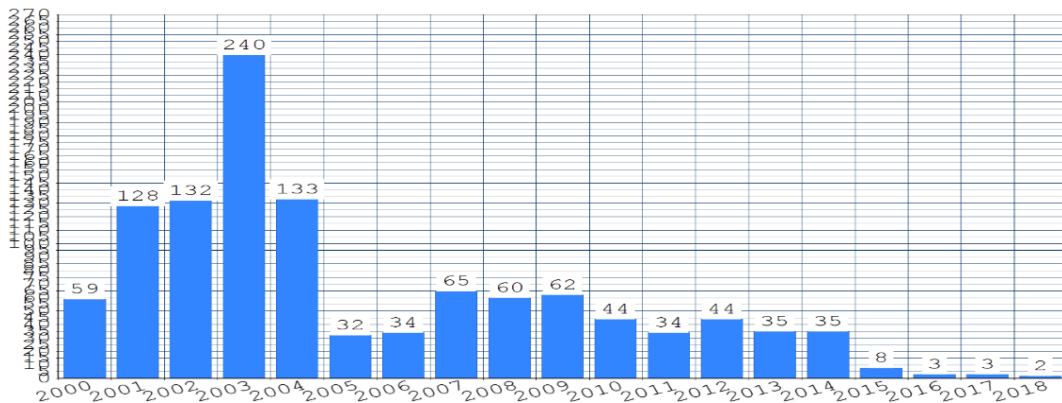

Рис. 1. Число вхождений лексемы «Сибирь» по годам

На основании диаграммы можно сделать вывод о снижении количества вхождений лексемы в корпус русского языка: за 10 лет их число уменьшилось с 240 в 2003 г. до 34 в 2013 г. Можно предположить, что этот факт связан с общими социокультурными тенденциями, с нарастающей в историческом процессе глобализацией и угасающими в XXI веке регионалистскими настроениями, в результате которых Сибирь все реже выступает как синоним отдельного от России (Руси), чужеродного доминирующей национальной культуре пространства.

В то же время качественный анализ показывает сохранение ядерного компонента концепта «Сибирь», образованного синонимическим рядом «ссылка», «каторга», «расстрел», «раскулачивание». Приведем примеры таких контекстов: «Дедушку выслали в Сибирь, имущество и дом конфисковали. [Людмила Гурченко. Аплодисменты]», «разделить тяготы каторги ехали одна за другой жены этих несчастных. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)]», «отец нашего разведчика наверняка был раскулачен и сослан в Сибирь или даже расстрелян. [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]», «тысячи зажиточных крестьян были репрессированы и высланы в Сибирь. [коллективный. Форум: Хенде Хох, Гитлер Капут (2008-2009)].

Вторым актуальным компонентом концепта «Сибирь» является топонимический: лексема употребляется в контексте сопоставления или противопоставления с другими географическими названиями, обозначениями стран, регионов, как правило, для выражения таких характеристик, как-то: суровый климат, отдаленность от центра, ограниченность. В большинстве таких вхождений прослеживается прием контраста, актуализирующий упомянутые культурные коннотации. Таким образом, топонимический, географический, природно-климатический компоненты в своей совокупности находятся в структуре концепта в околоядерном положении. Например, «заталкивал куда-то в Сибирь, в Азию, хотел

отгородиться. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002)]», «*Они ездили к тёплым морям или заснежённым горным вершинам, в стройотряды и экспедиции в Сибирь или Казахстан* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000]», «*превратить Сибирь в новую Вандею* [Александр Архангельский. Александр I (2000)]», «*Обычно в Сибирь ездит. Там, конечно, не Аргентина, но... Вот в прошлом году подарили «Форд»*. [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)]».

Третья тенденция в выражении культурных коннотаций концепта «Сибирь» в НКРЯ связана с историческими контекстами. Сибирь связывается с тремя основными стереотипными сюжетами из истории России: декабристы и их жены, фигура старца Федора Кузьмича, соотносимая с российским императором Александром I, и развитие производственных и промышленных мощностей в индустриальную эпоху. Приведем соответствующие примеры: «*участникам заговора двадцать пятого года, разделить тяготы каторги ехали одна за другой жены этих несчастных*. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)]; «*Через Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Екатеринбург, в ту часть России, куда не ступала нога русского царя и куда только что сослан старец Феодор Козьмич, — в Сибирь...* [Александр Архангельский. Александр I (2000)]»; «*буду работать на военном заводе...* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)]»; «*закончил диссертацию об уникальном опыте организации перемещения производственных мощностей в Поволжье и Сибирь в 1941 году* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)]».

Наконец, среди культурных коннотаций концепта находятся единичные авторские метафорические, художественные контексты, большинство из которых связаны с положительным осмыслением тех же компонентов, которые входят в ядро и упомянуты ранее, то есть особым географическим, политическим, материальным положением региона на фоне страны и национальной культуры, в целом: «*Сибирь отделить планируете? Сепаратисты! Кто-кто?* [А. Н. Котюсов. Идет беда // «Волга», 2015]»; «*Сибирь за несколько десятилетий стала богатейшей провинцией России*. [Д. И. Саврасов. Толстой и Столыпин (2003-2008)]»; «*Сибирь – это не та Сибирь, которая за Уралом*. [Д. И. Саврасов. Из тумана далёкого прошлого (2003-2008)]».

Таким образом, в результате проведенного исследования вхождений топонима «Сибирь» и его производных на материале текстов Национального корпуса русского языка в XXI в. можно сделать следующие выводы:

- совокупность вхождений обнаруживает тенденцию к концептуализации за счет ядерных коннотаций, компонентов;
- количество включений в корпус за два десятилетия снизилось в среднем в 10 раз; что, однако, скорее поспособствовало процессу концептуализации топонима за счет проявления основных культурных коннотаций;
- в большей степени эксплицируются топонимический, географический, природно-климатический, исторический (административно политический), этнокультурный компоненты концепта «Сибирь»;
- в ценностно-смысловом и образном отношении центральными являются представления о Сибири как о месте ссылки и каторги; отдаленном и отграниченном от страны пространстве с суровым климатом; с развитой промышленностью; связанном со значимыми событиями в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавдинев, Р.Р. Культурная коннотация и паремические единицы / Р.Р. Бавдинев. // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2005 – № 8. – С. 177–180.
2. Волошина, С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян / Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 47. – С. 28–38.
3. Литовкина, А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от

«Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / А.М. Литовкина. – М., 2008.

4. Телия, В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В.Н. Телия, Е.О. Опарина // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – С. 145–148.

5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Интернет-ресурс. Код доступа: <https://ruscorpora.ru/>. Режим доступа: свободный.

6. Сибирь // Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. Интернет-ресурс. Код доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer>. Режим доступа: свободный.

Материал поступил в редакцию 02.11.21

CULTURAL CONNOTATIONS OF THE TOPONYM "SIBERIA" IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

D.I. Nikonov, Bachelor of the 4th year of the Fundamental and Applied Linguistics,
Faculty of Philology
scientific adviser: **E.P. Maksimova**, Ph.D., Associate Professor,
Department of Fundamental and applied linguistics
Tver State University, Russia

***Abstract.** The article proposes a study of the functioning of the lexeme «Siberia» on the material of modern written texts of the 21st century presented in the main corps of the Russian National Corps, followed by the identification of connotative components of the meaning of this word. The subject of the study is the study of the connotations of the word "Siberia." The material of the study was the contexts of the use of this word, which together create a dynamic picture. The study allows you to establish changes in the connotative component of the content of this lexical unit.*

***Keywords:** Siberia, RNC, cognitive linguistics, concept analysis, corpus studies.*

УДК 811.161.1'42

КЛАССИФИКАЦИЯ БУКВЕННЫХ ПАЛИНДРОМОВ**А.П. Колова**, студентТобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются буквенные палиндромы: слова, отдельные предложения, полипалиндромы, монопалиндромы и другие. Палиндромы анализируются как языковой и речевой феномен, основу которого составляет симметрия единиц языка: повторяемых букв, слов, предложений, может читаться одинаково или с некоторыми допущениями, как в прямом, так и в обратном направлении. Приведена общая классификация буквенных палиндромов.*

***Ключевые слова:** палиндромы, классификация палиндромов, полупалиндром, палиндромическая ось.*

Одной из самых известных фраз-палиндромов в русском языке считается предложение *А роза упала на лапу Азора*, которое почти каждый человек слышал в мультипликационном фильме «Приключения Буратино», которая была создана по сказке А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Тогда же многие удивились тому, что данная фраза имеет одинаковое значение при чтении слева направо и справа налево. Это и был буквенный фраза-палиндром. Известно, что А.Н. Толстой взял это предложение из стихотворения А.А. Фета *А роза упала на лапу Азора, || В порыве любви прошептала Аврора*. Данный палиндром был известен еще до создания произведения «Приключения Буратино», но после его использования, он приобрел наибольшую популярность.

Палиндром в русском языке и литературе – это слово, предложение, текст, который одинаково читается слева направо и справа налево, или приблизительно одинаково, так как допускаются некоторые графические отклонения: взаимозамена буквы *ё* на *е*, *щ* на *ш*, исключение мягкого или твердого знака, перенос знаков препинаний и т. п. Также вводятся термины Прямоход и Ракоход. Прямоход – чтение текста в соответствии с нормальным, привычным для используемой письменности порядком, то есть слева направо. Ракоход или реверс – обратный порядок чтения, т. е. справа налево [3].

Один из самых известных видов палиндромов является буквенный. Текст, предложение, слово может читаться прямоходом и ракоходом по одной букве, смысл остается при этом одинаковый, если это не палиндром-оборотень (полупалиндром).

Простые палиндромы были известны еще в древности, например, слова *шшш*, *око*, *топот*, *шалаш*, *дед*, *довод* и т.д.; имена *Анна* и *Алла*. Они не имели авторства, и почти не зависели от людей, произошли во время развития языка, как естественный феномен, который появился у различных народов мира. «Madam», «level» в английском языке, «radar», «teger», «rotor» в немецком языке и т.п. Данные короткие слова можно объединить в подвид буквенных слов-палиндромов.

Следующий подвид можно выделить, как буквенные фразы-палиндромы. Именно сюда и относится предложение *А роза упала на лапу Азора, Аргентина манит негра, А луна канула* и другие, которые могут существовать отдельно от основного текста. Чаще всего фразу-палиндром создают как самостоятельное единичное предложение. Данный подвид характеризуется относительно короткими словами, использованием кратких прилагательных, т.к. в полных присутствует согласный *й*, который достаточно трудно включить в палиндром, афористичностью по своему смыслу, внешнему виду, содержанию, присутствием в нем палиндромической оси. Палиндромическая ось – это воображаемая линия, которая проходит по середине текста между буквами или по самой букве и разделяет палиндром так, что буквы одной части представляли собой обратное прочтение каждой из них [3]. Например, *Сетуй, утес!* – ось палиндрома проходит по букве «й», *Уверен!* | *Не реву* – ось находится между буквами.

Многие поэты строят свои произведения на основе палиндромов, чтобы показать свое мастерство, «поиграть» со словоформами, использовать визуальность палиндромов для увеличения смысла в лирических произведениях, создать некий подтекст. Так, палиндромические тексты, которые состоят больше, чем из одного-двух предложений, можно разделить на полипалиндромы и монопалиндромы.

Полипалиндромы – тексты стихотворной формы, где каждая строка представляет собой отдельный буквенный фраза-палиндром, то есть стих состоит из нескольких палиндромических предложений [1, с. 12]. Одним из самых первых полипалиндромов в русской литературе являются первые две строки в произведении Г.Р. Державина, написанное им примерно в XVII веке: *Я разуму уму заря, || Я иду съ мечем судия...*

К такому же подвиду можно отнести шуточное четверостишие В.В. Набокова: *Я ел мясо лося, млея... || Рвал Эол алоэ, лавр... || Ты ему: «Ого! Умеет || рвать!» Он им: «Я – минотавр!»* Каждая строка является буквенным палиндромом, а все вместе составляет полипалиндром.

Следующим подвидом является монопалиндром (перевод с греческого языка означает «*μονος*» – единый, единственный, один), т. е. текст, состоящий из нескольких строк, предложений является одним целым буквенным палиндромом, может читаться с начала произведения и с конца совершенно одинаково [1, с. 12]. Например, текст Б. Гринберга: *Плоть распорота рук || Ор, || Плач || Не вял мир, и гнал || Афинян || И фаланги римлян || Венчал прокуратор || О, псарь толп!*

Еще одним феноменом в русском языке является полупалиндром, то есть он является палиндромом лишь наполовину. Данное слово при прочтении прямоходом имеет значение, которое полностью отличается от смысла прочитанного ракоходом. Такое явление Велимир Хлебников назвал двойным течением реки, а сам палиндром оборотнем [3]. Полупалиндромы существуют как в виде слов, так и в виде предложений и даже целых текстов. Например, слова *Топор* в обратном направлении *ропот, нос – сон, раб – бар*, чаще всего именно полупалиндромы используются для составления самостоятельных фраз-палиндромов. *Раб, нежь жсен бар* данная строка принадлежит В. Хлебникову; *Раб, введи дев в бар* авторство этой фразы приписывают С. Прокофьеву. То есть эти слова-оборотни являются словно устойчивыми сочетаниями, многие писатели, поэты используют их для составления палиндромов, чтобы облегчить их создание. Бубнов Александр Владимирович ввел термин «Палиндромных устойчивых словесных комплексов» – ПУСК – «это достаточно компактное частотное в палиндромической художественной речи сочетание слов (словоформ), используемых, как правило, в комплексе со своими палиндромными парами» [2, с. 2]. Также полупалиндромами является предложение *анатом – за разум* в обратном прочтении: *муза размотана*, которое принадлежит Дмитрию Авалиани.

Верх, прямо, земля – все эти и другие слова также являются палиндромами, так как могут читаться в обратном направлении *хрев, омярт, ялмез*. То есть можно сделать вывод, что каждое слово является палиндромом, так как имеет обратную сторону. Данный подвид

буквенного палиндрома является «реверсивом». «Реверсив – набор букв данного слова в обратном порядке, который не совпадает ни с одним наличным словом, но образует возможность нового слова» [4]. Именно реверсивы чаще всего и являются ПУСКами, мастерство же авторов помогает замаскировать их, одну часть слова перенести в другое и т.п.

Таким образом, вид буквенных палиндромов можно разделить на несколько подвидов: 1) простые слова, которые читаются одинаково при чтении в любом направлении; 2) фразы или отдельные предложения. Могут допускаться некоторые погрешности в виде изменения букв, перемещения знаков препинания, исключение мягкого или твердого знака. Чаще всего создаются как самостоятельное предложение; 3) полипалиндромы – тексты, содержащие в себе несколько отдельных предложений-палиндромов; 4) монопалиндром – текст, состоящий из одного большого палиндрома; 5) полупалиндромы – слова, предложения, смысл которых изменяется при выборе порядка чтения; 6) реверсивы – любые слова, которые можно прочитать в обратном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнов, А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бубнов Александр Владимирович. – Орел, 2003. – 38 с.
2. Бубнов, А.В. Палиндромные устойчивые словесные комплексы как инструменты коммуникативной и эстетической функций русского языка и художественной речи / А.В. Бубнов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – 1333 с.
3. Палиндром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/c27cf30c-658a-06af-5c7b-3f93886b4142/1007658A.htm>] (дата обращения: 01.11.2021).
4. Эпштейн, М.Н. Палиндромия как творческий потенциал языка. К философии и лингвистике обратного слова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: [<https://www.topos.ru/article/6800>] (дата обращения: 28.10.2021).

Материал поступил в редакцию 01.11.21

CLASSIFICATION OF LITERAL PALINDROMES

A.P. Kolova, Student

Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (branch)
Tyumen State University, Russia

Abstract. *The article considers literal palindromes: words, individual sentences, polypalindromes, monopalindromes and others. Palindromes are analyzed as a language and speech phenomenon, the basis of which is the symmetry of language units: repeated letters, words, sentences, can be read the same or with some assumptions, both in the forward and in the reverse direction. The general classification of letter palindromes is given.*

Keywords: *palindromes, classification of palindromes, polypalindrome, palindromic axis.*

УДК 81

**ЭПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ**

Л.В. Ягенич, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков № 4,
Институт филологии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме анализа 27 англоязычных статей XXI века с целью определения эпонимических терминов в современных статьях в сфере медицины. Развитие современной науки обуславливает актуальность эпонимов и их роль в письменных научных медицинских текстах. Представлена их классификация с определением групп и иллюстрацией примеров. В результате лингвистического и математического анализов было выявлено количественное соотношение эпонимов, что имеет процентное соотношение в медицинских текстах от общего количества слов и от количества медицинской терминологии.*

***Ключевые слова:** эпоним, медицинский текст, термин, классификация, англоязычная статья.*

В современном мире существует большое количество языков. В соответствии со статистическими данными английским языком владеют свыше 1,3 млрд. человек [2]. В процессе глобализации он глубоко внедрился в нашу жизнь, и с каждым днём английский язык становится более актуальным в различных сферах, особенно в медицине. Развитие медицинской науки определяет актуальность данного исследования, поскольку имеет выражение в изучении медицинских текстов на предмет системы терминов, одной из составляющих являются эпонимы, которые выражают новые явления в науке. Одним из вариантов пополнения лексики является использование эпонимов, образованных от имен собственных, благодаря которым составляется медицинский текст, поскольку они играют важную роль в их написании.

К медицинским текстам относятся: научные, энциклопедические, справочные, учебно-методические, популярные и другие виды медицинской литературы, призванные способствовать развитию медицинской науки, повышению уровня профессиональной подготовки различных категорий медперсонала, а также санитарному просвещению [1].

Как правило, медицинские тексты характеризуются строгим стилем научного изложения с использованием большого количества терминологии. Использование специальных терминов является важным элементом медицинских текстов. Научные медицинские тексты изучали многие языковеды, в том числе, Л.Н. Пономаренко, Е.А. Мишутинская, И.С. Сергеевна [8]. Лексический состав научных медицинских текстов характеризуется следующими чертами: употребление слов в прямом или терминологическом значении, преобладание книжных слов, а слова других стилей практически не используются.

Основные характеристики современного письменного научного медицинского текста:

1) краткая, содержательная, структурная завершенность; 2) организационно-нормативная оформленность; 3) связанность в тексте обеспечивается логичностью изложения, а также упорядоченной системой связей между частями речи [11]. В медицинских текстах важную роль играют эпонимы, так как они описывают достижения научных деятелей. Отечественные лингвисты уделяют должное внимание эпонимам в медицинских текстах. К примеру, виды и способы образования медицинских эпонимов рассматривали такие лингвисты, как Е.А. Лобач (1986) [7], В.М. Лейчик (1982) [6], К. Кондратьев (2008) [4] и др.

Е.А. Лобач говорила о некоторых недостатках терминов-эпонимов: громоздкость, труднопроизносимость, неполное отражение понятия, несоответствие с требованиями классификационности и систематичности [7].

В.М. Лейчик считает, что объяснения значения эпонимов в рамках теории, описывающей соответствующую область знаний или деятельности, невозможно [6].

Е.М. Какзанова полагает, что эпонимы – слова, в которых в качестве одного слова является имя собственное, представленное антропонимом, топонимом или мифонимом, или же образованный от имени собственного безаффиксным или аффиксальным способом [3].

Данный анализ позволяет определить недостаточную изученность медицинских терминов-эпонимов, поэтому цель нашей работы заключается в изучении медицинских эпонимов в письменных научных медицинских текстах XXI века. По словам А.В. Суперанской целесообразным является создание энциклопедических словарей эпонимических терминов по сферам деятельности человека [9].

Термины-эпонимы играют важную роль в обозначении медицинских новых явлений или открытий в области медицины, их называют именем ученого, который сделал данное открытие. В медицине трудно найти направление, где бы в той или иной степени не использовались эпонимы. Они являются неотъемлемой частью медицинской терминологии, так как благодаря наличию имени собственного в составе эпонимического термина, он может являться единственно приемлемым: термины-синонимы не всегда отражают сущность понятия, а определение понятия с помощью большого описания не является удобным [5].

Эпонимизация имеет длительную историю развития в медицине, в результате наших исследований, можем сказать, что именно с середины XX века ею были охвачены все медицинские направления [4]. Чтобы получить целостное представление о развитии эпонимов в медицине, считаем рациональным выявить группы эпонимических терминов, и сферы их функционирования. Учитывая опыт отечественных учёных [10], следует эпонимы разделить на группы:

- Болезни (объёмом 4 п.л.);
- Синдромы (объёмом 4 п.л.);
- Анатомические единицы организма (объёмом 8 п.л.);
- Методы исследования и лечения (объёмом 1 п.л.);
- Тесты по определению заболеваний (объёмом 2 п.л.).

Как было выше сказано, в научных медицинских текстах развитие эпонимов и их фиксация преобладало в XX веке, между тем, следует уточнить, что в XXI веке описание эпонимов было не менее значимым.

Актуальность функционирования эпонимических единиц в современной медицинской науке подтверждается анализом 27 англоязычных статей XXI века (объёмом 19 п.л.), а также анализом 9 научных медицинских журналов XXI века. В анализе используются статьи по кардиологии, анатомии, генетике, физиологии, так как эти дисциплины являются фундаментальными науками для медицины и без них невозможно изучение и понимание человеческого организма.

Классификация медицинских эпонимов:

1. Болезни.

- «**Alzheimer's disease** is the most common cause of dementia and early and accurate diagnosis is important». (Перевод наш: **Болезнь Альцгеймера** является наиболее распространенной причиной слабоумия, и ранняя и точная диагностика очень важна) – BMC Geriatrics volume 17, Article number: 129 (2017) (5 211 слов, повторений – 133 раза, 32 293 знака).

- «Second, early symptoms of **Ebola virus disease** tend to be nonspecific (for example, many cases are only febrile)». (Перевод наш: Во-вторых, ранние симптомы болезни, вызванной **вирусом Эбола**, как правило, неспецифичны (например, во многих случаях наблюдается только лихорадка)) – BMC Medicine volume 12, Article number: 196 (2014) (11482 слова, повторений – 41 раз, 74291 знака).

2. Синдромы.

- «Taken together, the anatomic findings are consistent with **Patau's syndrome** with holosprosencephaly». (Перевод наш: Вместе взятые анатомические данные согласуются с **синдромом Патау** с голоспрозэнцефалией) – Diagnostic Pathology volume 2, Article number: 48 (2007) (6239 слов, повторений – 2 раз, 42 588 знаков).

- «**Stickler syndrome** is a connective tissue disorder with predominantly autosomal dominant inheritance, with ocular, auditory and joint involvement». (Перевод наш: **Синдром Стиклера** – это заболевание соединительной ткани с преимущественно аутосомно-доминантным наследованием, с поражением глаз, слуха и суставов) – Italian Journal of Pediatrics volume 46, Article number: 178 (2020) (2708 слов, повторений – 15 раз, 18388 знаков).

3. Анатомические единицы организма.

- «Although several studies have examined varied aspects of **Kupffer cell** function in mice, there has not been, to our knowledge, a study of the basic characteristic and the postnatal development of **Kupffer cells** in mice». (Перевод наш: В нескольких исследованиях изучались различные аспекты функции **клеток Купфера** у мышей, насколько нам известно, не было проведено изучение основных характеристик и постнатального развития **клеток Купфера** у мышей) – Comparative Hepatology volume 10, Article number: 2 (2011) (6674 слова, повторений – 68 раз, 44 141 знак).

- «While the **organ of Corti** lacks immune cells, it does have the capacity for immune activity». (Перевод наш: Хотя **Кортиев орган** лишен иммунных клеток, он обладает способностью к иммунной активности) – Journal of Neuroinflammation volume 11, Article number: 173 (2014) (14 215 слов, повторений – 112 раз, 90 968 знаков).

4. Методы исследования и лечения.

- «**Ascoli method** was based on a malaria pathophysiology mechanism, reproducing the natural course of the disease in a fast-paced and abbreviated form with the same defenses which the body uses». (Перевод наш: **Метод Асколи** был основан на механизме патофизиологии малярии, воспроизводящем естественное течение болезни в ускоренной и сокращенной форме с теми же защитными средствами, которые использует организм) – Malaria Journal volume 19, Article number: 440 (2020) (7311 слова, повторений – 8 раз, 48715 знака).

5. Тесты по определению заболеваний.

- «Data gathered from the **Rorschach test** suggested psychological approaches to support chronic pain patients that are likely to be highly beneficial, and we thus recommend their incorporation into the course of current pain treatments». (Перевод наш: Данные, полученные в ходе теста Роршаха, предполагают психологические подходы к поддержке пациентов с хронической болью, которые, вероятно, окажутся весьма полезными, и поэтому мы рекомендуем включить их в курс современных методов лечения боли) – BioPsychoSocial Medicine volume 4, Article number: 20 (2010) (9 381 слово, повторений – 6 раз, 62 217 знаков).

• «Overall, a big gap was identified about the knowledge of **Mantoux Test** among study participants». (Перевод наш: В целом, был выявлен большой пробел в знаниях о **тесте Манту** среди участников исследования) – *Asia Pacific Family Medicine* volume 9, Article number: 8 (2010) (2567 слов, повторений – 36 раз, 16151 знака).

Нами были проанализированы научные медицинские журналы:

1. *Journal of Neuroinflammation* volume 1, 2004 – всего в журнале 13 научных статей, из них 12 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 92 % от количества статей.

2. *Journal of Anatomy* volume 211(1), 2007 – всего в журнале 12 научных статей, из них 9 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 75 % от количества статей.

3. *Clinics in Orthopedic Surgery* volume 1(1), 2009 – всего в журнале 8 научных статей, из них 6 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 75 % от количества статей.

4. *American Journal of Human Genetics* volume 89(1), 2011 – всего в журнале 9 научных статей, из них 8 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 89 % от количества статей.

5. *Archives of Bone and Joint Surgery* volume 1(2), 2013 – всего в журнале 11 научных статей, из них 7 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 64 % от количества статей.

6. *The American Journal of Pathology* volume 185(1), 2015 – всего в журнале 12 научных статей, из них 9 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 75 % от количества статей.

7. *Acute Medicine & Surgery* volume 4(1), 2017 – всего в журнале 10 научных статей, из них 6 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 60 % от количества статей.

8. *Clinics in Orthopedic Surgery* volume 11(1), 2019 – всего в журнале 16 научных статей, из них 14 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 88 % от количества статей.

9. *American Journal of Human Genetics* volume 108(1), 2021 – всего в журнале 11 научных статей, из них 9 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 82 % от количества статей.

Выводы. Англоязычные эпонимы в медицинской терминологии широко распространены. Они имеют значение, так как напоминают о вкладе, внесенном в развитие медицины конкретным выдающимся ученым или врачом. Представленные группы и сферы их функционирования проиллюстрированы на современном фактическом материале англоязычных статей. Анализ, проиллюстрированных статей, объемом (19 п.л), что составляет 131 769 слов, с помощью метода математического подсчёта – позволяет определить в процентном соотношении: количество эпонимов в медицинских текстах, что составляет 0,67 % от общего количества слов. В 9 журналах представлено 102 статьи из них 80 с употреблением медицинских эпонимов, что составляет 78,4 % от общего количества статей. Благодаря данному анализу выявлена актуальность использования эпонимических терминов в современном письменном научном тексте на примере статей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая медицинская энциклопедия: [в 30-ти т. АМН СССР]. / под. ред. Б.В. Петровский. – 3-е изд.-М. 1989. Т. 14. 465 с.
2. Жерновая, О.Р. Английский язык как язык международного общения: Кому принадлежит английский язык сегодня? / О.Р. Жерновая, А.И. Латышева, Н.С. Лобанова // *Современные исследования социальных проблем*. – 2015. – № 4 (48). – С. 438–451.
3. Какзанова, Е.М. Философская картина мира в эпонимических интернационализмах // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. № 1 (13). – С. 62–64.
4. Кондратьев, Д.К. Современная медицинская эпонимическая терминология // *Журнал ГрГМУ*. 2008. № 3. – С. 129–131.

5. Лаптева, Е.А. Функционирование эпонимических терминов в энциклопедических статьях медицинского характера // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. 2014. № 12 (2). – С. 106–108.
6. Лейчик, В.М. Люди и слова. М.: Наука. 1982. – 176 с.
7. Лобач, Е.А. Имя собственное в немецкой математической терминологии // Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения: Тез. докл. Всесоюз. конф. М. 1986. – С. 90–92.
8. Пономаренко, Л.Н., Мишутинская Е.А., Злобина И.С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). – С. 9–14.
9. Суперанская, А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Едиториал ХРСС. 2003. 312 с.
10. Хакиева, З.У., Зекиева П.М., Абдулхаджиева М.Р. Способы образования английских медицинских терминов-эпонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2020. Т. 13. № 3. – С. 163–167.
11. Ягенич, Л.В. Характеристика письменных научных текстов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 5. – С. 157–161.

REFERENCES

1. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya: [v 30-ti t. AMN SSSR]. / pod. red. B.V. Petrovskij.-3-e izd.-M. 1989. T. 14. 465 s.
2. Zhernovaya O.R., Latysheva A.I., Lobanova N.S. Anglijskij yazyk kak yazyk mezhdunarodnogo obshcheniya: Komu prinadlezhit anglijskij yazyk segodnya? // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2015. №4 (48). S. 438-451.
3. Kakzanova E.M. Filosofskaya kartina mira v eponimicheskikh internacionalizmah // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2013. № 1 (13). С. 62-64.
4. Kondrat'ev D.K. Sovremennaya medicinskaya eponimicheskaya terminologiya // ZhurnalGrGMU. 2008. №3. S. 129-131.
5. Lapteva E.A. Funkcionirovanie eponimicheskikh terminov v enciklopedicheskikh stat'yah medicinskogo haraktera // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (vhodit v perechen' VAK). Tambov: Gramota. 2014. № 12 (2). S. 106-108.
6. Lejchik V.M. Lyudi i slova. M.: Nauka. 1982. 176 s.
7. Lobach E.A. Imya sobstvennoe v nemeckoj matematicheskoj terminologii // Podgotovka i ispol'zovanie nauchno-tekhnicheskikh slovaroj v sisteme informacionnogo obespecheniya: Tez.dokl. Vsesoyuz. konf. M. 1986. S. 90-92.
8. Ponomarenko L.N., Mishutinskaya E.A., Zlobina I.S. Lingvostilisticheskie osobennosti medicinskih tekstov v perevodcheskom aspekte // Gumanitarnaya paradigma. 2018. № 1 (4). S. 9-14.
9. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii. M.: Editorial HRSS. 2003. 312 s.
10. Hakieva Z.U., Zekieva P.M., Abdulhadzhieva M.R. Sposoby obrazovaniya anglijskih medicinskih terminov-eponimov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2020. T. 13. № 3. С. 163-167.
11. Yagenich L.V. Harakteristika pis'mennyh nauchnyh tekstov // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2018. № 5. S. 157-161.

Материал поступил в редакцию 10.11.21

EPONYMS IN MODERN ENGLISH MEDICAL SCIENTIFIC ARTICLES

L.V. Yagenich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Foreign Languages Department No. 4,
Institute of Philology
“V.I. Vernadsky Crimean Federal University” (Simferopol), Russia

***Abstract.** The article is dedicated to the analysis of 27 English articles of the XXI century. The eponymous terms were investigated and organized into groups. The relevance of eponyms and their role in scientific medical texts are revealed. Their classification with the definition of groups is presented. As a result of linguistic and mathematical analyses, a quantitative ratio of eponyms was revealed. It was counted the percentage of ratio in medical texts of the total number of words and the number of medical terminology.*

***Keywords:** eponym, medical text, term, classification, English article.*

УДК 81

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТА**Л.А. Якушева**, студент

Московский государственный лингвистический университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются теории происхождения и аспекты изучения цвета. Также автор анализирует развитие и обогащение системы цветообозначений, так как по мере развития и обогащения человеческого опыта происходило развитие и обогащение системы цветообозначений. Автор проводит исследование цвета в лингвистике и различные подходы к определению цветообозначений.*

***Ключевые слова:** цвет, лингвистика, теории происхождения.*

Введение

Одним из главных элементов человеческого знания о мире является знание о цветовой окрашенности предметов, окружающих человека, и формирующих его психику, его внутренний мир. В системе языка цветковые прилагательные представляют наиболее структурированный фрагмент лексического строя, в течение многих десятилетий привлекающий внимание исследователей различных направлений гуманитарных наук. В собственно лингвистических исследованиях цветолексики основное внимание уделяется значительности роли номинаций цвета в формировании языковой картины мира, его концептуализации и месту цветовой лексики в процессах познания. Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению цветковых прилагательных в различных ракурсах, их изучение не потеряло своей актуальности.

Теории происхождения цвета

С давних времен цвет был тесно связан со многими ремеслами. Обширными были не только области применения цвета, но и научные его изыскания. Благодаря этому нам известно многое о цвете из физики и оптики, а также физиологии и теории восприятия. Не случайно, что при изучении цвета в лингвистике ученые обращаются к понятиям и терминам, заимствованным из других наук, опираются на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветковых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия.

Если рассматривать цвет с точки зрения физического подхода, то определение цвета в физике (согласно световой теории Ньютона) сводится к тому, что каждый цвет представляет собой световую волну, имеющую определенную длину. Таким образом, цвет – это световой поток, который при пересечении с поверхностью какого-либо объекта преломляется или разлагается на множество оттенков, составляющих цветовой спектр, каждый из которых отличается своей длиной волны.

Начало научной рефлексии относительно феномена цветового значения Нового времени можно отнести к трактату И.В. Гёте “О цвете” и к его тезису о “чувственно-нравственном действии цвета” [И.В. Гете, 1957:45]. Это утверждение противоречит мнению физиков о природе цвета. Если цвета наделены значениями, т.е. несут некое психологическое содержание, их изучение требует выхода за пределы строго механистического каузального подхода, сформулированного в классической физике.

Волновая теория происхождения цвета явилась основой для непрекращающихся

споров о том, что первично: цвет или свет и существует ли цвет в природе вообще или это только отражательная способность поверхностей, окружающих человека объектов. Дж. Лакофф в своей работе “Женщины, огонь и опасные вещи”, например, придерживается той точки зрения, что цвета в объективном мире вообще нет. По его мнению, цвет – это субъективная категория, которой не существует в природе: “...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют “в мире”, внешнем по отношению к человеческим существам. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами” [Дж. Лакофф 1996: 166].

Физиологический (нейрофизиологический) подход уходит корнями в физический подход и тесно связан как с ним, так и с физиологией и нейрофизиологией человека – строением его мозга и зрительных органов. В рамках этого подхода цвет тоже понимается как световой поток, который в виде светового луча, пересекаясь с сетчаткой глаза и хрусталиком, работающим как призма, раскладывается на определенную цветовую гамму и фокусируется в разных зонах коры головного мозга. Считается, что в коре головного мозга есть четыре цветовых зоны, которые нейрофизиологически запрограммированы. Это зоны красного, желтого, зеленого и синего цветов, то есть любой человек с самого рождения способен воспринимать и различать эти цвета. Это объясняется тем, что “цветовое пространство, как перцептивное, так и семантическое, жестко детерминировано структурой сенсорного механизма, определяющего восприятие цвета четырьмя системами предетекторов: красно-зеленого, сине-желтого, яркости и темноты”.

Важно также иметь в виду то, что цветовое зрение формируется в разных климатических условиях и при разном образе жизни. Поэтому даже древний человек понимал, что один и тот же объект при дневном и ночном освещении будет иметь разную цветовую окраску. Это отличие цветовосприятия обуславливается на уровне нейрофизиологии. При очень низкой освещенности человек может различить только крупные формы.

Цвет становится интересным предметом рассмотрения и в области философии. В своей работе “Человеческое познание” Б. Рассел рассматривает понятие минимального словаря, который должен структурно составлять более сложные образования, то есть все наше знание могло бы быть выражено с помощью слов, обозначающих простые элементы. Мы могли бы различать в мире так называемый материал и его структуру. [Б. Рассел, 2000:12]. Цветовые термины используются автором в качестве примера особого атрибута материи. Он рассматривает значение слова “красный”, определяя его как оттенок цвета, лежащий в определенной части спектра, как некий диапазон волн и как волны с определенными длинами. Прибегая к таким определениям цвета, Рассел указывает, что их точность иллюзорна, так как определение цвета через длину волны никак не связано с ощущением. Названия цветов употреблялись в течение многих тысячелетий до изобретения волновой теории света. Сам автор для четкого определения цвета предлагает ввести пространственно-временной аспект. Другими словами, различие в оттенках цветов, согласно его точке зрения, зависит от пространственно-временного положения цветового пятна в зрительном поле наблюдающего. По его мнению, не может быть двух идентичных оттенков цвета, так как один и тот же оттенок не может существовать в двух областях одного зрительного поля с равной степенью удаленности от его центра.

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с

понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы. Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля.

Развитие и обогащение системы цветообозначений

По наблюдениям ученых, по мере развития и обогащения человеческого опыта происходило развитие и обогащение системы цветообозначений. Можно назвать различные источники ее пополнения. В истории мировой культуры можно выделить несколько периодов, когда накопление цветоименований в европейских языках происходило наиболее активно. Особое место занимает при этом период научно-технической революции и последующего развития промышленности, в частности, ткацкой и красильной, когда создавались множество новых оттенков цвета неизвестных и невозможных до того момента, что, как результат, повлекло обогащение цветовой терминологии.

Начиная с шестнадцатого века, активным источником развития цветообозначений стала литература, особенно поэзия, где создание различных поэтических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе и цветowych. М.А. Бородинa и В.Г. Гак справедливо отмечают, что “расширение словаря цветообозначений было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии, создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветowych терминов...” [Бородинa, Гак 1979: 151]. В ходе дальнейшего развития художественной речи постепенно увеличилось богатство цветowych выражений, обозначающих различные нюансы одного и того же цвета. “Если представить само развитие колоризма в литературе в виде графика, то кривая оказывается волнообразной, с большими падениями и подъемами, и все же неуклонно стремящейся вверх; причем высшими точками подъема этой кривой является эпоха романтизма и особенно конец XIX века и начало XX веков” [Мичугина 2005: 138]. Таким образом, достижения в разных областях деятельности человека в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения лексики цветообозначений явились литературные заимствования из некоторых языков. “...Известно, что французский язык XVII века “снабдил” многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета” [Василевич 2003: 13]. Другая волна заимствований произошла в конце XIX века в связи с влиянием французской моды на Европу; оказала влияние на этот процесс и торговля с Востоком, в результате которой были заимствованы имена цвета, образованные от названий масти лошадей. Так, например, из тюркского языка в русский пришли такие цветообозначения, как чалый, чагравый, каурый, мухортый, из иранского – бурый, из монгольского – халтарый, халюный, халваный [Дыбо 2007: 15-16].

Особенностью данной тематической группы слов признается то, что в отличие от других объединений слов, где нередко даже сама тематическая классификация представляет несомненную трудность, они имеют непосредственное соотношение с экстралингвистической реальностью – цветowym спектром. Термин “цвет” можно рассматривать с двух точек зрения:

- 1) совокупность всех видимых оттенков;
- 2) конкретный оттенок.

Если совместить термины “психология”, “семантика” и “цвет”, то получится наука, изучающая “душевное значение” отдельных оттенков цвета и цвета как целого. Основная проблема психосемантики цвета распадается на два тесно связанных теоретических аспекта:

- 1) вопрос о роли восприятия цвета для человека (онтология и прагматика);

2) исследование структуры конкретных цветовых значений (семантика и семиотика цвета).

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Как говорил Л. Витгенштейн, “цвет побуждает нас философствовать” [Витгенштейн 1996: 57]. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы [Ананьев 1969: 105].

Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля. Мысль о существовании особых значений цветов не принадлежит психологам. В той или иной форме эта мысль встречается в древнеиндийских, алхимических, мистических, религиозных текстах; она воплощена в ритуальной практике всех религий и связанном с ней прикладном искусстве (иконы, орнамент, символическое письмо); проявилась в многочисленных схемах цветового символизма в практике традиционной восточной медицины, магии, астрологии и т.п.

Главная методологическая предпосылка психосемантического подхода состоит в том, что наличие и специфика цветовой семантики отражает бытие человека в мире, контакт субъекта с миром, обеспечивая адекватное отражение объективной реальности на различных уровнях репрезентации субъекту образа этой реальности. Но в настоящее время цвет принято рассматривать не как свойство вещей, а как субъективное ощущение. Это требует ввести второе онтологическое допущение – о существовании цвета не только в форме субъективных ощущений и образов, но и как объективного аспекта реальности, предметного свойства объектов. В психосемантике цвета данный феномен последовательно рассматривается как один из атрибутов объективной действительности [Гегель, 1977; Гёте, 1920; Schechtel, 1943; Рубинштейн, 1973; Свасьян, 1983], несводимый к характеристикам субъективного ощущения. Вместе с тем цвет рассматривается не в аспекте закономерностей цветоразличения, как это принято в психофизиологии или колориметрии [Стивенс, 1960; Ивэнс, 1964; Пэдхем, Сондерс, 1978; Соколов, Измайлов, 1984; Шашлов, 1986 и др.], а в аспекте доступности его интерпретации, в его соотнесенности с неперцептивными категориями, такими как физиологические реакции, эмоции, чувства, идеи, установки, морально-этические категории, т.е. так, как он столетиями рассматривался художниками.

Исследование цвета в лингвистике

Проблема цвета в последние десятилетия активно разрабатывается в различных сферах научного знания. Особое внимание данной проблеме уделяется в лингвистике. Лингвисты, занимаясь изучением слов-цветообозначений, рассматривают их в разных аспектах. В частности, имена цвета изучаются: а) с точки зрения их происхождения; б) с точки зрения их семантического развития; в) в русле исторической лексикологии; г) в плане сопоставления по различным параметрам русских наименований цвета с цветообозначениями в других языках – родственных и неродственных; д) в других, кроме русского, языках, например, западноевропейских; е) с позиции теоретической семантики. Но при всем многообразии работ и подходов к изучению имен цвета, имеется целый ряд лакун, которые еще предстоит заполнить.

Уровень развития современной лингвистической науки, новые данные, получаемые в ходе ее развития, позволяют внести определенные коррективы в историю отдельных, уже изучавшихся ранее другими исследователями, обозначений черного и белого цветов, предложить новые гипотезы относительно происхождения ряда цветообозначений. Но, чтобы предложить эти гипотезы относительно восприятия этих цветов в различных языках и культурах, следует обратиться к психологическому аспекту цвета, так как лингвистика и психология неразрывно связаны. Итак, согласно психолингвистике, цвет влияет на физиологические системы человека, активизируя или подавляя их деятельность, цвет создает то или иное настроение, внушает определенные мысли и чувства. Воздействие цвета можно разделить на физиологическое, психологическое и эстетическое; этими факторами обусловлены цветовые ассоциации, семантика и символика цвета. Несмотря на очевидные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цвета (как и значения обозначений эмоций) представляют собой артефакты культуры. Ведь они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера. Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых (вербальных и невербальных) компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя.

К основным психосемантическим характеристикам цветоразличения относят тон, светлоту (яркость) и насыщенность, заимствованные из физики. Главный компонент – тон (основной цвет), зависимые компоненты – насыщенность, яркость. Любое имя цвета содержит указание на цвет в собственном смысле, но нет таких имен цвета, которые бы содержали информацию о яркости или насыщенности без указания относительно тона. Из выводов, приведенных П.В. Яньшиным в книге “Эмоциональный цвет”, следует, что наиболее привлекательными цветами с положительным значением считаются цвета средней яркости и насыщенности, а предпочтение их выбора напрямую зависит от того, светлый он или темный [П.В. Яньшин, 1997:120]. Очевидно, что цвет – это не только свет, которого должно быть достаточно, это еще и мнение, а значит функция многих переменных, а не одной лишь длины волны. Цветообозначение, возможно, в большей мере, чем какая-либо сфера языка, антропоцентрично и этноцентрично – оно имеет некое специфическое измерение в языке, релевантное в аспекте коммуникативной значимости.

Цветообозначения представляют собой, по терминологии Пирса, “образные иконические знаки”, характеризующиеся “фактическим подобием означаемого и означающего”. Лексемы типа “черный”, “белый” и т. д. относятся к базовым категориям человеческого мышления и содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается [Р.М. Фрумкина, 1990:87].

В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к определению цветообозначений. Проанализированная нами лингвистическая литература позволяет сделать вывод о том, что можно выделить шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональный, исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный и сопоставительный.

Функциональный подход. В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах, например, Тойшибаева 1990; Губенко 1999; Лысоиваненко 2001; Лукьяненко 2004; Меньчева 2004 и др. Это связано с тем, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя, поэта. Цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать

образы героев. В рамках данного подхода цветообозначения могут рассматриваться как интенсификаторы выразительности и образительности речи и соотноситься с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания.

Исторический подход предполагает исследование истории отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп цветообозначений, а также их состава в тот или иной период развития языка. Кроме того, ученых стала интересовать проблема поиска семантического первоэлемента, позволяющего детально описать историю семантики цветных слов. По нашему мнению, знать историю изучаемой группы слов, их происхождение необходимо, потому что такие знания являются основанием, на котором базируются современные теории концептуального изучения цветных слов.

Лексико-семантический подход обращает внимание на современное состояние системы цветообозначений: рассматриваются процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование дополнительных к основному образных, символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветных слов. Это позволяет на основании общности значений распределить цветные слова по группам, а также выявить цветообозначения, употребленные в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход предполагает рассмотрение морфологических и синтаксических особенностей цветообозначений. Знание морфологической, синтаксической специфики указанной группы слов позволит в некоторых случаях определить, в какой образной функции будет реализован колоратив.

Когнитивный подход тесно связан с семантическим и через него выводит исследователей в круг проблем ментальной осмысленности цвета.

Сопоставительный подход позволяет получить информацию о сходстве или различии цветных спектров разных языков, о национально-специфических, лингвокультурных особенностях цветообозначений, о понятийных моделях видения мира, моделях интерпретации мира в отдельных языках. Обозначенный подход является продолжением когнитивного, и целесообразен в кругу сегодняшнего интереса к эффективному межкультурному сотрудничеству. Помимо уточнения семантики конкретных терминов цвета или построения систем цветообозначения в разных языках, цветоименования активным образом привлекались в качестве материала для работы в таких областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, проблемы языка и мышления, проблемы детской речи.

Базовые цветообозначения

Среди перцептивных признаков, зафиксированных человеком в ходе концептуализации и категоризации мира, на первое место по своей значимости выдвигаются зрительные, визуальные признаки, а среди них важное место занимают признаки цвета.

Категория цвета в английском языке является динамичной и постоянно развивающейся. Расширение категории происходит как по определенным семантическим, так и словообразовательным моделям. Роль цветообозначений в лексиконе современного английского языка определяется также их местом в дефинициях слов нецветовой лексики, когда цветообозначения выполняют идентифицирующую или классифицирующую функцию внутри самой дефиниции.

Базовые цветообозначения занимают особое место в общей системе цветообозначений английского языка. Они выполняют огромную словообразовательную роль, так как входят в качестве основы в многочисленные производные и сложные по структуре прилагательные цвета в английском языке. Базовые термины цвета чаще всего выполняют идентификационную и классифицирующую функцию при лексикографическом описании цветных характеристик различных объектов.

Вся совокупность цветообозначений в английском языке может быть представлена в

виде денотативного пространства со строгой системой его организации. Денотативное пространство прилагательных цвета формируется вокруг ядерных центров, выраженных базовыми цветообозначениями. Каждое из них образует свое субпространство с нечеткими размытыми границами и переходными зонами. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке членится на одиннадцать зон, представленных в языке неравномерно. Практически равное соотношение имеют зоны прилагательных цвета yellow (16%), brown (13%), red (13%), white (13%), blue (12%), grey (11%), следующую же ступень занимают зоны прилагательных green (6%), black (5%), pink (5%) и практически точечное долевое положение имеют зоны прилагательных orange (3%) и purple (3%), что ставит под сомнение их полновесный статус как базовых терминов цвета, выделяемых в английском языке.

В русском же языке, по мнению многих исследователей наименований цвета, к гамме основных следует причислить ещё и голубой цвет. Группа основных цветообозначений состоит из 12 цветов. Для обозначения синего цвета существует два основных названия – синий и голубой. Вполне понятно, что есть ряд универсальных явлений, связанных с общечеловеческой картиной мира. Однако нельзя забывать и о наличии национальных особенностей, присущих только данной культурной общности людей.

Лингвисты единодушно признали значительно более позднее происхождение слова синий по сравнению со словом голубой. Согласно словарю Фасмера, русск. синий восходит к др.-инд. śyāmás “темный, черный”. Действительно, на ранней стадии развития языка понятия “черный” и “синий” не различались, хотя слово “синий” и имело достаточно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления). Светлый оттенок синего цвета, напротив, был весьма распространен. Становилась очевидной потребность в названии светло-синего оттенка словом, не связанным на прямую с термином синий. Вследствие чего стали появляться слова, выражающие голубые оттенки.

Рассматриваемые нами черный и белый цвета относятся к базовым цветоименованиям как в русском, так и в английском языках, так как они относятся к основной системе цветообозначений, поскольку являются многозначными, характеризуются высокой частотностью и широкой сферой употребления, символичным значением, отсутствием внутренней формы и односоставностью.

Гипотеза Сепира – Уорфа. Эксперимент Берлина – Кея

С проблемой изучения цветообозначений в лингвистике тесно связана гипотеза Сепира – Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, которая возникла в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа. По их мнению, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую действительность, то и их носители различаются по способу отношения к ней. “Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает пред нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании” [Whorf 1933: 213].

Следствием признания гипотезы лингвистической относительности является признание того, что язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка. Другими словами, в сознании говорящего существует ряд базовых прототипических референтов, которые он использует при назывании того или иного цвета. Возможно, данное утверждение верно, но для более поздних цветообозначений, которые возникают по модели “такой по цвету, как ...” (коричневый – цвета корицы; англ. navy – цвета одежды флота и т.д.). Однако можно предположить, что для архаического мышления

было характерно особое синкретическое осознание.

Существуют различные точки зрения по вопросу того, что лежит в основе цветообозначений. В опровержение гипотезы Сепира – Уорфа английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией. Б. Берлин и П. Кей изучали этимологию цвета и описали свои исследования в книге “Основные цветовые термины” [Берлин, Кей 1949: 156]. Они пришли к выводу, что 95% цветов происходят от названий предметов и лишь 5% слов не имеют четкой этимологии. В ходе исследования данными учеными также были открыты универсальные прототипы для определения одиннадцати основных цветообозначений, а также универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках мира. Их исследование начинается с двух процедур применения правила ограничения рассматриваемых данных. Первое, “цветовая” классификация состоит у них в членении перцептивного пространства, заранее предопределенном понятиями тона, интенсивности и насыщенности (таким образом, сужается референциальный спектр понятия “цвета” как он понимается, по крайней мере, в некоторых культурах). Эксперимент проводился на материале 20 языков из разных языковых групп. Ученые ставили своими задачами выяснить:

- 1) какие именно оттенки оцениваются носителями выбранных языков как представляющие основной цвет, а какие представляются как переходные, смешанные;
- 2) какой оттенок в максимальной степени отражает представления о типичном цвете;
- 3) о каких цветах представления тестируемых наиболее согласованны, а о каких – размыты.

Из цветового спектра были выделены 330 оттенков. При этом 10 из них являлись ахроматическими (белый, серый, черный и т.д.). В эксперименте участвовало две фокус-группы, куда входили представители обоих полов разных возрастов. Эксперимент предваряла диагностика цветового зрения испытуемых. К исследованию были допущены участники только с нормальным цветовым зрением.

Участникам первой фокус-группы показывали цветовую таблицу. На ней нужно было отметить ячейки, которые наиболее полно соответствовали понятию какого-либо цвета. Затем испытуемых просили обозначить ту ячейку таблицы, в которой находится наиболее типичный пример цвета.

Испытуемые второй группы опрашивались на предмет того, какими словами они пользуются в речи, когда хотят назвать тот или иной оттенок. После этого с названиями проделывалось тоже, что и с цветами в первой группе: выделялось слово, наиболее полно соответствующее понятию какого-либо цвета, отмечался типичный оттенок.

Критерии выбора основного цветового понятия были следующими:

- термины должны были быть моноксемными, т.е. его значение нельзя образовать путем суммирования значений других цветовых понятий;
- невключаемость понятия в названия других цветов;
- широкая сочетаемость;
- психологическая “очевидность”, интуитивная понятность для респондента.

В результате эксперимента Берлин и Кей пришли к следующим выводам:

1. Существует единый набор из 11 базовых цветов для всех выбранных языков (белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый).

2. Если в языке присутствовали названия для меньшего, чем 11 числа цветов, эти названия были строго определенными:

- а) все языки содержали названия для черного и белого цветов;
- б) если в языке было 3 цветоименования, среди них обязательно было слово “красный”;
- с) если в языке было 4 цветоименования, среди них обязательно были слова либо

“зеленый”, либо “желтый”;

d) если в языке было 5 цветоименований, среди них обязательно были слова “зеленый” и “желтый”;

e) если в языке было 6 цветоименований, среди них обязательно было слово “синий”;

f) если в языке было 7 цветоименований, среди них обязательно было слово “коричневый”;

g) если в языке было 8 и более цветоименований, среди них обязательно были слова “фиолетовый”, “розовый”, “оранжевый” или “серый”.

Берлином и Кеем был также выдвинут ряд предположений.

- Добавление или утрата термина цветообозначения происходят в определенной иерархической последовательности;

- Науке неизвестен ни один случай утраты термина цветообозначения;

- Число терминов цветообозначения зависит от экономического и культурного развития страны рассматриваемого языка, степени изоляции и других экстралингвистических факторов [Берлин, Кей 1949].

Факт существования языковых универсалий, связанных с терминами цветообозначения у многих ученых вызывал сомнения. Прежде всего, они основывались на том, что Берлин и Кей использовали для исследования в основном языки народностей с относительно высоким уровнем развития. Например, 17 из 20 выбранных языков были письменными. Следовательно, велика вероятность того, что появление и развитие терминов цветообозначения – это случайное явление. Каких-либо исследований и экспериментов для подтверждения или опровержения этой точки зрения проведено не было.

Конечно, верно, что значение номинаций цвета активно обсуждалось философами, поэтому лингвисты и психологи могут с большой пользой для себя обратиться к работам таких мыслителей, как Д. Локк и Г. Витгенштейн. Однако решающее различие состоит в том, что философ интересовал язык, лингвисты же (как таковые), интересовались языками. Для лингвиста проблема состоит не только в том, чтобы понять, что значат (например, английские) слова red и blue, или что означает японское слово aoi (синий, но гораздо большего диапазона, чем английское blue). По мнению А. Вежбицкой, соответствия, такие, как русск. голубой = blue или нем. blau = blue или синий = blue, безусловно, неадекватны, так как область применения каждого слова своя в каждом из языков, и она не может быть точно установлена на основании подобных процедур межъязыкового сопоставления.

Традиция использования слов, обозначающих цвет, в качестве важного экспрессивного средства также уходит в далекое прошлое. В древнейших текстах цветообозначения выполняли прежде всего функцию символическую. Цвет, в силу своей природной значимости для человека, обусловленной важностью для него того предмета или явления, которое этим цветом наделялось, не воспринимался эстетически, а слова, его называющие, не использовались для живописания мира. В древнем тексте неуместными были индивидуализированный портрет и живописный пейзаж – отсюда и слабая насыщенность текстов цветообозначениями. “Если цветовой признак извлечён и показан в поэтическом плане как важное свойство, тогда такой признак – не просто цвет... он символ” [Колесов, 1986: 220].

Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых (вербальных и невербальных) компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя. Этим руководствуются авторы при создании своего художественного мира.

Выводы

При исследовании цветообозначений в языкознании ученые обязательно должны опираться на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, его распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветовых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия. Известны следующие теории и подходы к определению цвета: 1) физический подход; 2) физиологический подход; 3) волновая теория; 4) теория эволюции цветоощущений. А также существует шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональное, историческое, лексико-семантическое, грамматическое, когнитивное и сопоставительное.

С проблемой изучения цветообозначений в лингвистике тесно связана гипотеза Сепира – Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, которая возникла в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа. По их мнению, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую действительность, то и их носители различаются по способу отношения к ней. В сознании говорящего существует ряд базовых прототипических референтов, которые он использует при назывании того или иного цвета. Возможно, данное утверждение верно, но для более поздних цветообозначений, которые возникают по модели “такой по цвету, как ...” (коричневый – цвета корицы; англ. navy – цвета одежды флота и т.д.). В опровержение гипотезы Сепира – Уорфа английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией. “Цветовая” классификация состоит у них в членении перцептивного пространства, заранее предопределенном понятиями тона, интенсивности и насыщенности. Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин, Б. Основные цвета: Их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М., 1969.
2. Гете, И.В. Трактат о цвете. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гете. – М., 1957.
3. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика. Язык и интеллект / Дж. Лакофф. – М., 1996.
4. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К.: Знания, 2004.
5. Никитин, М.В. Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М., 1983.
6. Самарина, Л.В. Традиционная этическая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований). Этнографическое обозрение / Л.В. Самарина. – М., 1992. – № 2. – С. 147–156.
7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993.

Материал поступил в редакцию 13.10.21

THEORIES OF ORIGIN AND ASPECTS OF THE STUDY OF COLOR

L.A. Yakusheva, Student
Moscow State Linguistic University, Russia

***Abstract.** This article discusses the theories of origin and aspects of the study of color. The author also analyzes the development and enrichment of the color designation system, since with the development and enrichment of human experience, the development and enrichment of the color designation system took place. The author conducts a study of color in linguistics and various approaches to the definition of color meanings.*

***Keywords:** color, linguistics, theories of origin.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 6 (36), ноябрь / 2021

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»
Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)
Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук
Бобкалонов Рамазон Раджабович, кандидат филологических наук, доцент
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Подписано в печать 19.11.2021 г. Дата выхода в свет: 10.12.2021 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 23. Свободная цена. Тираж 100.